

МИНИШАРМ
лучшее

Бертрис Смолл

Нежная осада

Наследие Скай О'Малли

Бертрис Смолл

Нежная осада

«АСТ»

2000

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Нежная осада / Б. Смолл — «АСТ», 2000 — (Наследие Скай О'Малли)

ISBN 978-5-17-087826-0

Леди Фортейн Линдли имела все основания считать себя безнадежной старой девой – и должна была бы благодарить судьбу за предстоящий выгодный брак с богатым и могущественным наследником старинного рода. Однако что же делать «невесте поневоле», если сердце ее с первой минуты покорило брат ее нареченного, необузданный ирландский бунтарь Кайрен Девере? Сумеет ли Кайрен защитить свою любимую Фортейн, когда ревность и оскорбленное самолюбие ее жениха приведут к ужасной трагедии? Обретут ли мужчина и женщина, которым нет места в родной стране, счастье в далеком Новом Свете?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-087826-0

© Смолл Б., 2000

© АСТ, 2000

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Бертрис Смолл

Нежная осада

*Всем моим ирландским друзьям и родственникам, как
протестантам, так и католикам. Учитесь жить в мире и терпимости.*

Bertrice Small
BESIEGED

Печатается с разрешения издательства Zebra Books an imprint of
Kensington Publishing Corp. и литературного агентства Andrew Nurnberg

© Bertrice Small, 2000

© Перевод. Т.А. Перцева, 2001

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Пролог

Ольстер, 1630 год

Она приезжает! Иисусе сладчайший, она приезжает! Возвращается в Магуайр-Форд! С их последней встречи прошло двадцать лет, но он знал о ней все, что только можно было выведать, ибо ее двоюродный брат, священник, охотно делился содержанием ее писем со всеми. Она родила королевского бастарда от покойного принца Генри Стюарта. Как мог принц не полюбить ее? И способен ли хоть один мужчина не пасть к ногам такой красавицы?

Она снова вышла замуж – за шотландца, которому подарила троих сыновей. Старшая дочь от первого мужа уже мать двоих детей. Ах, у нее столько всего произошло за последние двадцать лет, а у него... Ему осталось лишь лелеять воспоминания о ней.

Он рассеянно провел рукой по густой гриве когда-то сплошь цвета червонного золота, но теперь сильно посеребренной. Глаза, голубые, как воды Эрна, встревоженно блеснули.

Он тяжело вздохнул. Почему именно сейчас? Сейчас, когда он впервые ощутил тоску по семейной жизни и детям? Что ей понадобилось в Магуайр-Форде?

Он отложил письмо.

– Рори! Рори Магуайр!

В дом вбежал отец Каллен Батлер с пергаментным свитком в руке.

– Жасмин собралась в Ольстер! – взволнованно сообщил он. – Не думал, что когда-нибудь еще раз свижусь с ней. Слава тебе, Господи, и ангелам Твоим!

Время оказалось милостиво к отцу Каллену. Несмотря на копну снежно-белых волос, его лицо оставалось моложавым. Синие глаза сияли.

– Постараюсь убраться до ее приезда, – сухо отозвался Рори.

– Не получится, – спокойно возразил священник, щедрой рукой наливая себе шотландского виски из стоявшего на буфете графина. – Ты ее управляющий, Рори Магуайр. Много лет назад Жасмин доверила тебе Магуайр-Форд и теперь, разумеется, первым делом захочет поговорить с тобой. Она не должна узнать о том, что столько лет таилось в твоём сердце. Знаю, тебе нелегко! Куда спокойнее было, когда не приходилось видеть ее каждый день, но она здесь долго не пробудет. Самое большее – несколько месяцев. Она не написала, зачем приезжает?

Он осторожно отхлебнул виски.

Рори Магуайр покачал головой:

– Нет. Ни словечка.

– Младшую ее дочь, зачатую и рожденную здесь, леди Фортейн Мэри Линдли, везут сюда, чтобы найти ей мужа. Похоже, во всей Англии, да и Шотландии тоже, не нашлось человека, который пришелся бы ей по нраву. Своевольная, видать, девица. Давно уже вышла из юного возраста, но уж больно упряма, – с улыбкой заметил священник. – Совсем как ее матушка в молодости. Я-то знаю – ведь я был ее наставником. – Посерьезнев, он добавил: – Жасмин хочет дать ей Магуайр-Форд в приданое, Рори.

Отец Каллен уселся в кресло у огня, знаком пригласив собеседника присоединиться к нему.

Тот сел, по привычке принимаясь ерошить рыжие волосы.

– В таком случае лучше мне уехать. Девушка наверняка захочет выбрать нового управляющего, вернее, не она, а ее муж.

– Ничего еще не решено, – утешил священник. – Жасмин знает, что твоя семья правила здесь, пока Коннор Магуайр со своими людьми не покинул родину вслед за вождями восстания. И по сей день многие считают тебя хозяином замка Эрн-Рок.

– Только потому, что настоящий владелец в отъезде, – напомнил Рори.

– Жасмин не уволит тебя после стольких лет, – возразил отец Каллен. – Я знаю свою кухню. Сам помогал ее растить.

– Но давно уже в глаза ее не видел. Пойми, это женщина, второй сын которой – племянник самого короля. А ее муж-шотландец? По-твоему, он станет молчать и поддакивать жене?

– Джеймс Лесли почитает супругу и не вмешивается в ее дела, – заверил священник. – И довольно глупостей, Рори Магуайр. Они прибудут в начале мая.

– Они?! Сколько же их свалится на наши головы?

– Жасмин, ее муж и леди Фортейн.

– А слуги? – допытывался Рори.

– Адали, как всегда, и маленькая Рохана. Торамалли нынче замужняя женщина и вместе с мужем будет приглядывать за молодым лордом Патриком, который останется в Гленкирке со своими братьями. Мудрое решение, ничего не скажешь. Поместье когда-нибудь перейдет к нему, и в отсутствие родителей он сможет лучше постичь свои будущие обязанности.

– Эрн-Рок, как и в прежние времена, распахнет перед ними ворота, – с усмешкой обронил Рори. – Пожалуй, мне лучше перенести свои пожитки в сторожку привратника.

– Тут ты прав, – согласился священник. – Вероятнее всего, тебе отныне придется там обитать. Насколько я помню, Жасмин подарила тебе домик. По-моему, она желает, чтобы Фортейн жила в Ирландии, недаром расспрашивала преподобного Стина о протестантских семьях в округе. Разумеется, мы с ним долго спорили, прежде чем остановились на одной – Деверсы из Лиснаски. Наследник сэра Шейна – достойный молодой человек вполне подходящего возраста. Ему двадцать три, а леди Фортейн летом исполнится двадцать.

– Но как вы можете устраивать протестантскую свадьбу, отец? Вы же сами крестили девочку!

Каллен Батлер пожал плечами:

– Мы очень далеко от Рима, дружище. И оба знаем, что, если леди Фортейн хочет получить Магуайр-Форд, она должна выйти за протестанта. Кроме того, ее вырастил отчим, принадлежащий к англиканской церкви, а Жасмин, как и моя тетя Скай, упокой Господи ее душу, сама себе госпожа там, где речь идет о вере. Если Фортейн – истинная дочь своей матери, она не станет делать различия между католиками и протестантами. Двадцать лет назад в этой деревне не было протестантов, а теперь они есть, даже церковь себе выстроили. И все живут мирно, потому что мы с отцом Стином не допустим свар. Моя тетушка Скай, урожденная О'Малли, любила повторять слова покойной королевы Бесс, которая часто говаривала: «У нас один Господь – Иисус Христос, а остальное пустяки и бредни». И как ни жаль мне это признать, проклятая баба была права, даже если папа римский отлучит меня за такую ересь. Я всей душой предан церкви, Рори, иначе не посвятил бы ей свою жизнь, но даже слуги Господа могут иногда ошибаться. Не только католики, но и протестанты. В толк не возьму, как они умудряются оправдывать собственное ханжество, но твердо уверены, что Господь простит им любое преступление во имя веры! Поэтому я благословляю, пусть и без огласки, венчание по протестантскому обряду между леди Фортейн Линдли и сыном сэра Шейна Деверса. Разве не счастье, если в Эрн-Роке поселится молодая пара и снова зазвучат детские голоса?

– С возрастом вы становитесь сентиментальны, отец Каллен, – без всякого осуждения заметил Рори.

Священник ухмыльнулся.

– Всегда удивляюсь, обнаружив, что дожил до шестидесяти лет. А ты, Рори Магауйр, несмотря на огненную шевелюру, всего на десять годков моложе. Ну, надеюсь, я больше не услышу об отъезде из Магауйр-Форда?

– Останусь, пока не прикажут убраться. Все равно мне некуда деваться. Но поверь, – сухо усмехнулся управляющий, – мне будет нелегко вновь ее увидеть.

– Верю, – отозвался священник, – но ты поступишь так, как велит долг, Рори Магауйр.

Рори тяжело вздохнул:

– Скорее уж как велит она, отец.

Священник удовлетворенно кивнул и, осушив кружку, встал.

– Мне пора. Нужно готовиться к вечерне. Я и пришел только затем, чтобы помочь тебе пройти через испытание, Рори Магауйр. Благослови тебя Боже.

Он перекрестил хозяина и удалился.

Рори Магауйр задумчиво смотрел на огонь. Жасмин возвращается в Магауйр-Форд. Он влюбился в тот момент, как увидел ее, грациозно скользившую по сходням «Розы Кардиффа» под руку с мужем. Никогда, ни до, ни после, не видел он такой красавицы. Она быстро поставила на место эту гнусь, Имона Фини, временного управляющего, назначенного королевской канцелярией. Узнав, что он выгонял людей из деревни только за то, что они католики, Жасмин немедленно уволила подлого ублюдка, велев убраться в Белфаст. Но Имон Фини вернулся несколько месяцев спустя, лелея черные замыслы в своей злобной душе. Он покушался на Жасмин, но вместо этого убил ее мужа. Преступника изловили в тот же день. Жасмин, неукротимо-свирепая, как истинный кельтский воин, приказала повесить его на месте и, только когда дьявол испустил последний вздох, поддалась всесокрушающей скорби. Домашние думали, что госпожа умирает: несколько дней Жасмин лежала без сознания. Тогда ее слуга, индеец Адали, и кузен-священник пришли к Рори и рассказали, что она бьется в слезах, с тоской и горечью призывая погибшего мужа. Они испугались, что она загонит себя в могилу, если не поверит, что Рован Линдли снова пришел в супружескую постель.

Рори был потрясен и возмущен столь неслыханным предложением. Достаточно мерзко уже и то, что подобное исходит из уст какого-то слуги, но чтобы и священник пошел на такое!

Верные друзья Жасмин твердили, что иначе она умрет. Попытаться стоило. Все средства хороши, если они спасут Жасмин. Рори Магауйру пришлось долго бороться с угрызениями совести, но он так отчаянно хотел ее. И знал, что некоторые люди, как, впрочем, и животные, способны себя уморить, если жить им не для чего. Поэтому Рори ночью с помощью сообщников проскользнул в замок и овладел обезумевшей от горя женщиной под видом ее мужа. К утру она крепко уснула. Рори покинул спальню с разбитым сердцем: Жасмин ничего не помнила об их короткой встрече. Никогда она не полюбит его. Не узнает, как страстно он ее обожает.

Все эти годы прошлое свинцовым бременем лежало на его плечах. Терзало душу. Священник и Адали делили с ним этот груз, хотя не облегчали тяжести. Их чувства к Жасмин были совсем иными. Он нес свою ношу в одиночестве. И часто гадал, что сказала бы она, если бы узнала, что он был ее любовником на одну ночь. На несколько часов. Вряд ли ее нынешний муж был бы доволен таким открытием. Ее неведение позволило Рори остаться в родном доме и управлять бывшими землями Магауйров. Уж лучше пусть все остается по-прежнему. Не к лицу пятидесятилетнему мужчине вести себя как влюбленный юнец. Жасмин к нему равнодушна. Так решила судьба. Он знал это и давно смирился. Однако следующие несколько месяцев станут самыми трудными в его жизни. Но он справится – не только ради себя, но и ради Жасмин.

Часть первая Магуайр-Форд Весна, 1630 год

*Проклятие ирландцев не пьянство. Религия – вот истинный бич.
Кэтлин Кеннеди, маркиза Хартфорд*

Глава 1

Леди Фортейн Линдли поплотнее закуталась в мягкий плащ из темно-серой шерсти и пристально всмотрелась в показавшиеся на горизонте зеленые холмы Ирландии. Прохладный майский ветерок шевелил меховую отделку ее капюшона. Опершись о поручень, она любовалась тем, как серебристые полосы утреннего тумана, постепенно расходясь, открывают выцветшее бело-голубое небо. Какая она, эта неизвестная Ирландия? И найдет ли там Фортейн свою любовь? Существует ли любовь вообще?

Пальцы невольно сжали твердое дерево. Господи, о чем она только думает? Любовь?! Пусть этим бредят ее матушка и сестра Индия. Фортейн Мэри Линдли слишком практична для подобных вещей. История матери казалась одновременно волшебной и возмутительной. Двое убитых мужей, один из которых – отец Фортейн. Единокровный брат Чарли – королевский бастард: покойный принц Генри Стюарт был любовником матери, но никогда бы не смог на ней жениться, потому что ее род считался недостаточно знатным для семьи короля. Мало кто знал, что Жасмин была дочерью самого Великого Могола, ибо ее мать была похищена, продана в его гарем и, прежде чем вернуться к семье и мужу-шотландцу, родила индийскому повелителю дочь. Сестра Фортейн пыталась бежать с возлюбленным, но судно, на котором они плыли, было захвачено берберскими пиратами, а сама она тоже продана в гарем и, когда ее спасли, вернулась, беременная от своего хозяина. Отчим был вне себя от ярости и до родов отослал ее в охотничий домик. Фортейн последовала за сестрой. После родов ребенка у матери отняли, а Индию выдали замуж за английского лорда. Любовь?! Не дай Бог! Фортейн не желает никаких мелодрам в собственной жизни!

Любовь – вещь непрактичная. Женщине нужен добрый, снисходительный муж, с которым можно было бы мирно скоротать оставшиеся до смерти годы. Разумеется, неплохо, чтобы он оказался привлекательным и богатым, потому что своим состоянием она делиться не желает. Его она сохранит для детей. И разумеется, она родит. Двоих. С таким расчетом, чтобы между родами прошло не менее трех-четырех лет. Мальчика, который унаследует отцовские владения. И девочку, которой достанется Магуайр-Форд. Вполне разумный план. Фортейн надеялась, что полюбит Ирландию, но даже если этого не случится, она все равно останется здесь. Поместье в три тысячи акров не пустяк, и с таким свадебным подарком матери она будет не просто богата, а очень, очень богата. По мнению Фортейн, роскошь была куда предпочтительнее унылой бедности.

– Думаешь об Уильяме Деверсе? – поинтересовалась мать, подходя к дочери.

– Все время забываю его имя, – хмыкнула Фортейн. – Такое непривычное!

– У тебя есть кузен Уильям, – напомнила Жасмин. – Младший сын моей тети Уиллоу. Верный слуга англиканской церкви. Правда, ты вряд ли с ним встречалась, малышка. Милый молодой человек. Немного моложе меня.

Глаза Жасмин затуманились тревогой. Фортейн такая скрытная. Никогда не поймешь, о чем она думает.

– Если тебе не понравится жених, малышка, совсем необязательно за него выходить, – в двадцатый раз повторила она. Боже! Ей совсем не хочется, чтобы дочь Рована Линдли была несчастной. Достаточно и того, что случилось с Индией!

– Если он достаточно привлекателен и добр, мама, то наверняка подойдет мне, – заверила Фортейн, ободряюще погладив мать по руке. – В отличие от тебя, Индии да и всех женщин нашей семьи я не любительница приключений и мечтаю лишь о тихом, мирном существовании, не омраченном всяческими авантюрами.

Герцогиня Гленкирк громко рассмеялась.

– Не думаю, Фортейн, что женщины этого семейства сами пускались на поиски приключений. Так уж случилось.

– Случалось потому, что вы все слишком импульсивны и легкомысленны, – неодобрительно заметила Фортейн.

– Ха! – смешливо фыркнула мать. – А ты, моя маленькая охотница, не импульсивна? Я сама видела, как ты много раз посылала кобылу через расселину, едва не доводя нас до обморока.

– Если жеребец может взять препятствие, почему бы кобыле этого не сделать? – рассудительно ответила девушка. – Нет, мама. Ты и другие вечно стремились в какие-то экзотические страны и неведомые места, жили во дворцах, роскоши и богатстве, дружили с сильными мира сего. Стоит ли удивляться, что вы вечно попадаете в какие-нибудь истории. Но я не такова. Помнишь, когда мы ездили во Францию, я с радостью оставалась дома, в лоне семьи. Я, как и папа, терпеть не могу двор. Там так и кишат молодые люди, забывающие мыться каждый день, зато с хорошо подвешенными лживыми языками, улыбочивые негодяи, вечно рыщущие в поисках новых сплетен. Уж они не гнушаются изобрести любую пакость, лишь бы очернить ближнего.

– Ах, Фортейн, даже в провинции есть немало подлецов, готовых судачить обо всех и вся. Похоже, ты слишком долго жила под мирным отчим кровом. Будь осторожней, малышка! Всегда следуй своим инстинктам, даже если они противоречат твоей практической натуре, и никогда не ошибешься, – посоветовала мать.

– А ты, мама, всегда следовала своим инстинктам? – полюбопытствовала Фортейн.

– Да, почти. Именно тогда и попадала в беду, когда не слушалась внутреннего голоса, – с улыбкой ответила Жасмин.

– Например, когда увезла нас в Бель-Флер после того, как старый король Яков велел тебе выйти за папу? – уточнила Фортейн.

Герцогиня снова рассмеялась.

– Верно, – призналась она, – но только не говори Джемми. Пусть это останется между нами. О, взгляни! Мы входим в бухту Дандолк. Ирландцы называют ее Дандил. Скоро сойдем на берег. Интересно, встретит ли нас Рори Магуайр, как много лет назад, когда мы с твоим отцом впервые прибыли в Ирландию, чтобы осмотреть наши новые владения. Мерзкий сатана, убивший потом Рована, заставил его править лошадьми. Твой отец быстро узнал, что семья Рори Магуайра много столетий владела Эрн-Роком. Почти все ушли за хозяином, Коннором Магуайром, и вождями восстания. Но Рори отказался покинуть родину и свой народ. Мы сделали его управляющим, и с тех пор он преданно и верно служит мне.

– Он останется на своей должности, мама? – спросила Фортейн.

– Конечно. Выслушай меня хорошенько, Фортейн. Я передам Магуайр-Форд тебе в день свадьбы. Поместье будет принадлежать только тебе. Тебе одной. Мы не раз об этом говорили, но я хочу, чтобы все было ясно. Женщина, не имеющая денег и собственности, обречена на жизнь рабыни. Ты никогда не будешь счастлива, малышка, если не станешь сама себе госпожой. И учти: ольстерские протестанты и католики не слишком дружат, и любая искра превратится в бушующий пожар. Поэтому мы постарались отгородиться от соседей. В нашей деревне

живут и протестанты, и католики, посещают свои церкви и трудятся вместе. Именно этого я и добивалась, и, думаю, ты захочешь того же. Рори Магуайр правил от моего имени двадцать лет и вместе с моим кузеном Калленом Батлером и протестантским священником, преподобным Стином, хранил мир. Теперь эта обязанность перейдет к тебе. Твой муж не имеет права вмешиваться в дела Магуайр-Форда, ты не должна его слушать, если речь пойдет о нежелательных переменах. Пусть жители поместья сосуществуют мирно и счастливо.

Сильный ветер наполнил паруса на мачтах, надувшиеся со слабым гулом. Брызги соленой пены увлажняли губы, в сыром воздухе пахло гниющими водорослями.

– Почему католики и протестанты ссорятся, мама? – спросила Фортейн. – Разве не все поклоняются единому Богу?

– Разумеется, малышка, но отцы церкви жаждут поистине королевской власти. К несчастью, им всего и всегда мало. А для того чтобы получить власть, нужно завладеть сердцами и умами простых людей. И тогда Господь становится самым мощным оружием. Церкви используют это оружие, чтобы поработать людей. Каждый хочет, чтобы его обряды поклонения Богу были единственными и самыми правильными. Поэтому они дерутся друг с другом, убивают, по их мнению, во имя Бога и убеждены в своей правоте.

Мой отец, а твой дед, Великий Могол Акбар, давным-давно пригласил ко двору людей, исповедующих разные религии. Много лет они спорили о природе Создателя, способах поклонения Ему и о том, почему каждый прав в своих доводах, а другие ошибаются. Отец мой все терпел и даже с интересом слушал споры, но в конце концов основал собственную религию и не последовал ни за одним адептом веры из тех, что так призывали его к себе. Вера, дорогая моя, – это то, как ты, и только ты, относишься к Господу. И не слушай того, кто станет говорить иначе.

– Значит, люди используют Бога, чтобы добиться своих целей, – задумчиво протянула Фортейн. – Это большой грех.

– Верно, – кивнула мать. – Я с детства учила тебя быть веротерпимой, детка. Не позволяй никому сбить тебя с прямого пути.

– Не позволю, – твердо заверила Фортейн.

– Но если влюбишься, будешь во всем слушать возлюбленного, – возразила мать.

– Значит, я никогда не влюблюсь. Большинство нынешних мужчин, по моим наблюдениям, совсем не то, что мой отчим. Он уважает тебя, прислушивается к твоему мнению. Только за такого человека я выйду, мама. Надеюсь, им окажется Уильям Деверс.

– Твой отец уважает меня, потому что я так себя поставила, что же касается мнения... да, он меня слушает, но редко следует моему совету. Мужчины упрямы как ослы. Нужно уметь с ними обращаться. Стараться обойти по кривой. Перехитрить, – улыбнулась Жасмин.

– Я часто видела, как ты обхаживаешь папу, – усмехнулась Фортейн. – Когда мы с Индией были маленькими, даже об заклад бились, сколько времени он продержится, прежде чем сдать.

– Неужели? – сухо обронила Жасмин. – И кто из вас чаще выигрывал?

– Я, – с некоторым самодовольством призналась Фортейн. – Индия слишком спешила выиграть. Я, однако, не торопилась, выжидала удобного момента, совсем как ты, мама. Терпение – истинная добродетель, особенно когда имеешь дело с мужчиной.

Жасмин опять расхохоталась и нежно погладила дочь по щеке.

– Никогда не думала, что у меня столь мудрое дитя. Боюсь, Уильяма Деверса ждет сюрприз! Получит совсем не ту женщину, которой добивался.

– Единственное, чего он добивается, – моего приданого, – резко возразила Фортейн. – Настоящим сюрпризом для него будет новость, что я намереваюсь держать свои деньги при себе. Вряд ли ему понравится иметь подобную жену.

– В таком случае он жалкий глупец, ничего более, – отмахнулась Жасмин.

– Кто жалкий глупец? – осведомился Джеймс Лесли, герцог Гленкирк, подходя к дамам.

– О, мы просто говорили о мужчинах, – рассерженно буркнула Фортейн.

– Не слишком лестное замечание, девочка, – отозвался герцог. – Ты взволнована? Всего через несколько дней ты встретишь молодого человека, который, возможно, станет твоим мужем.

– Посмотрим, – спокойно ответила Фортейн.

Лесли шумно вздохнул. Что это творится с падчерицами? Он вырастил их, воспитал, и в детстве они были обыкновенными милыми и послушными малышками. Да и потом вели себя неплохо, пока речь не заходила о замужестве. Он обещал жене, что больше никогда не усомнится в детях, а клятву приходится держать.

– Ты права, девочка. Посмотрим. Кто знает, может, парень окажется дураком или, того хуже, мерзавцем, а я не хочу такого супруга для своей дочери.

Жасмин Лесли покачала головой. Судя по выражению лица мужа, чаша его терпения переполнилась. Однако ответил он, как подобает хорошему отцу. Вероятно, старого пса все-таки можно научить новым трюкам.

– Нам лучше спуститься в каюту, малышка, – предложила герцогиня, – посмотреть, все ли готово к сухопутному путешествию.

– Можно я останусь, мама, посмотрю еще немного?

– Так и быть, – кивнула Жасмин и, взяв мужа за руку, увлекла вниз. – Она хочет побыть одна, Джемми.

Герцог молча кивнул.

Фортейн осталась у поручня, погруженная в невеселые мысли. Это ее родина, которую она покинула пяти месяцев от роду. Теперь Ирландия ничего для нее не значит, всего лишь название места, и только. Какая она на самом деле? А Магуайр-Форд? Замок, по словам матери, невелик, называется Эрн-Рок. И стоит на озере. Мама говорит, что это прекрасное место и они с отцом были там счастливы.

Фортейн нахмурилась. Сможет ли и она быть счастлива там, где зверски убили отца? Отца, которого она так и не узнала, потому что он погиб вскоре после того, как она была зачата.

Всю свою жизнь Фортейн остро чувствовала его отсутствие. Бывая у брата Генри, в родовом имении Кэдби, она много времени проводила в галерее, у портрета отца. Высокий, широкоплечий Рован Линдли, с приятным лицом, ямочкой на подбородке, золотистыми глазами и рыжеватыми волосами... На портрете он кажется немного надменным, как человек, чья семья владела этими землями еще до норманнских завоевателей. Генри был похож на отца, но Индия унаследовала только знаменитые глаза. Зато Фортейн ничего не взяла от родителей, родившись с зеленовато-синими глазами прабабки де Мариско и пылающими волосами прапрабабки О'Малли. Ее бабушка Гордон всегда говаривала, что Фортейн со своей белой кожей и рыжей гривой – настоящий гадкий утенок среди лебедей.

Фортейн улыбнулась. Интересно, каким окажется Уильям Деверс? А если они поженятся, какие у них будут дети?

Пошел мелкий дождик, и Фортейн зябко поежилась. Она слышала, что в Ирландии дождь и солнце то и дело сменяют друг друга. Взглянув на небо, она заметила синие просветы в облаках. Кажется, это ей по душе!

Но тут из-за туч вырвалось солнце, озарив море и землю, и сразу стало теплее. Судно замедлило ход: матросы разбежались по мачтам, убирая паруса. Обычно корабли становились на якорь в бухте, но сегодня пришлось причалить к пристани из-за невероятного количества сундуков, принадлежащих леди Фортейн Линдли.

На палубе начались обычные суматоха и беготня, как всегда перед прибытием. Фортейн неожиданно заметила высокого джентльмена, и ей вдруг захотелось узнать, кто он. Незнакомец был одет просто: в темные штаны, замшевый колет с пуговицами из оленьего рога, белую

полотняную рубашку и сапоги тонкой кожи. Голова была непокрыта, и Фортейн, к своему удивлению, увидела, что волосы у них почти одинаково огненные. Что же, теперь по крайней мере она не будет так выделяться среди окружающих.

Джентльмен стоял у большой дорожной кареты, запряженной шестеркой прекрасных гнедых. Фортейн с удовольствием отметила, что кони прекрасно подобраны, и, поскольку корабль, на котором прибыли Лесли, принадлежал их семье, как, впрочем, и эта пристань, сразу поняла, что и дормез прислан за ними.

– Да ведь это Рори Магуайр! Решил встретить нас. Чудесно! – воскликнула Жасмин, энергично махавшая рукой. – Рори! Рори Магуайр!

Он смотрел, как она подбегает к поручню, где уже стояла молоденькая девушка. Да, она стала старше, но по-прежнему самая прекрасная женщина на свете.

Рори махнул в ответ.

Судно пришвартовалось, и матросы спустили сходни. Жасмин в сопровождении родных и слуг поспешила на берег и протянула руки управляющему.

– Рори Магуайр! Как хорошо, что ты приехал! Слово не было этих двадцати лет! – с улыбкой воскликнула она.

Он взял затянутые в перчатки изящные пальчики и поцеловал.

– Тысяча приветствий вам и вашей семье. Добро пожаловать в Ирландию, миледи Жасмин.

– Это мой муж Джеймс Лесли, герцог Гленкирк, – представила она, подталкивая Джемми. Мужчины обменялись рукопожатием, причем каждый оценивающе мерил другого взглядом. Наконец, очевидно, удовлетворенные осмотром, они с улыбкой поздоровались.

– Моя жена говорила о вас столько хорошего, Магуайр! – воскликнул герцог. – Не терпится увидеть поместье.

– Спасибо, милорд. Думаю, вы останетесь довольны. Земля здесь плодородная, – заверил Рори и снова обратился к Жасмин: – Я, разумеется, взял с собой карету и оседланных коней, если вам будет угодно ехать верхом. Вы, конечно, помните Фергюса Даффи, нашего кучера. Ваши слуги всегда стараются путешествовать в экипаже.

– Фергюс Даффи, как поживает твоя добрая женушка Брайд? – окликнула кучера Жасмин. – Моя дочь с нетерпением ждет встречи с крестной. Рори, это Фортейн. Фергюс, это леди Фортейн.

Кучер почтительно приложил ладонь к шляпе.

Рори Магуайр поцеловал руку Фортейн.

– Надеюсь, миледи, вы так полюбите Магуайр-Форд, что захотите остаться здесь навсегда. Фортейн взглянула в серьезные голубые глаза, испытывая какое-то странное чувство родства, словно всю жизнь знала этого человека, хотя никогда его не видела.

– Спасибо, сэр, – промямлила она, сбита с толку непонятными ощущениями.

– У меня есть чудесная вороная кобылка, которая должна вам понравиться, – сказал Рори, отпуская руку девушки.

– Мне бы хотелось ехать на сером в яблоках мерине, – возразила Фортейн.

– Боюсь, он немного... непредсказуем, – предупредил управляющий.

– Как и я, – лукаво усмехнулась Фортейн.

Рори Магуайр от души рассмеялся.

– Думаете, справитесь с ним, миледи? Жаль, если он вас сбросит. Не годится, чтобы родина так негостеприимно вас встретила.

– Нет такой лошади, которую я бы не обуздала, – похвасталась Фортейн.

Магуайр вопросительно взглянул на герцога с герцогиней и, дождавшись, пока Джеймс Лесли кивнет, сообщил:

– Его зовут Гром, миледи. Идемте, я подсажу вас в седло.

– А мои вещи? – встревожилась Фортейн.

– Нам понадобится несколько подвод, – заметила Жасмин. – Фортейн привезла с собой все до последней нитки в надежде остаться здесь.

– Можно нанять их в городе, – заверил Рори. – Я не знал, понадобятся ли они.

– Значит, Уильям Деверс настолько плохая партия? – дерзко поинтересовалась Фортейн. Рори снова хмыкнул.

– Нет, миледи. Считается лучшим женихом в округе. Высок, красив и наследник великолепного имения в Лиснаски, которое в один прекрасный день перейдет к нему. Правда, владения не так велики, как Магуайр-Форд, но тем не менее значительны. В тот день, когда он выберет невесту и женится, немало девичьих сердец будет разбито.

Фортейн примолкла. Значит, Уильям Деверс пользуется успехом у дам? Что ж, посмотрим.

Она подошла к серому мерину, нетерпеливо рывшему копытом землю, взяла его под уздцы и погладила бархатистый нос.

– Красивый ты парень, дружище, ничего не скажешь. Думаю, мы прекрасно поладим. Готов отправиться в путь? Я с радостью сяду в седло, а ты води себя хорошо, пока не выберемся из города на большую дорогу. Ну, а потом попробуем обогнать ветер!

Рори Магуайр украдкой следил за девушкой, что-то тихо говорившей скакуну. И испытывал странное чувство родства, словно всю жизнь знал ее, хотя видел совсем маленькой. Он никак не мог прийти в себя, но ему нравилось, как она обращается с животным. Сцепив пальцы, он посадил ее на спину Грома.

– Вот так, миледи: раз-два, и все в порядке.

Только сейчас он сообразил, что на Громе мужское седло, но девушка, очевидно, привыкшая ездить таким образом, преспокойно уселась верхом. Он отвязал поводья и подал Фортейн.

Гром нервничал и немного приплясывал под тяжестью седока, даже закинул голову и попытался встать на дыбы, но Фортейн надежно удерживала его, сжимая коленями бока.

– Легче, парень, – уговаривала она, и мерин тревожно прижал уши, прислушиваясь к мягкому спокойному голосу, еще минуту назад незнакомому, сейчас уже почти привычному. Животное поняло, что появилась настоящая хозяйка.

Рори довольно улыбнулся и кивнул. Девочка – прирожденная наездница.

Повернувшись, он оглядел коробки и сундуки, громоздившиеся на пристани.

– Святая Мария, Матерь Божья! Никогда не видел такой горы!

Герцог рассмеялся. Он точно так же ужаснулся, впервые увидев весь багаж Фортейн.

– Сейчас прикажу капитану послать в город за подводами. Нам ждать ни к чему. У вас найдутся лошади для меня и герцогини?

– Да, милорд. Миледи может ехать на вороной кобыле. Совсем как двадцать лет назад. А для вас, милорд, у меня приготовлен чудесный жеребец. Только что обьезжен. Я не хотел холостить его, поэтому держу подальше от кобыл. Вероятно, его стоит продать тому, кто нуждается в новом производителе. За него можно получить хорошую цену, как за всех наших коней. Потомки Ночного Ветра и Ночной Песни – животные весьма ценные. Кто поедет в карете?

– Адали и Рохана, – ответила Жасмин.

– Они по-прежнему с вами? А что случилось с другой девушкой? Я слышал, она вышла замуж.

– Так и есть, – кивнула Жасмин. – Торамалли с мужем остались в Гленкирке, нашем шотландском поместье, присматривают за маленькими Лесли. Патрику уже четырнадцать, а его младшим братьям тринадцать и десять. Мы хотели взять с собой Адама и Дункана, но они предпочли резвиться на воле без родителей.

– Значит, не собираетесь долго здесь задерживаться? – осведомился Рори.

– Да, скоро вернемся, – отозвалась Жасмин. – Об Уильяме Деверсе хорошо отзывались и мой кузен-священник, и преподобный Стин. Если они с Фортейн понравятся друг другу, венчание состоится еще до конца лета, и Ирландия станет домом для моей дочери, рожденной в Магуайр-Форде. Надеюсь, что так и будет, ибо хочу видеть Фортейн счастливой и хорошо пристроенной.

– Каждая мать желает того же своей дочери, – кивнул Рори.

Ах, как она прелестна, несмотря на возраст! Он едва сдержал восхищенный вздох.

– Добрый день, мастер Магуайр, – произнес кто-то, выводя Рори из задумчивости. Испуганно встрепенувшись, он уставился на Адали, верного друга Жасмин, и с некоторым раздражением отметил, что этого человека никакие годы не берут. На бесстрастном коричневом лице ни единой морщины. Взгляд темных глаз словно пронизывает насквозь.

– Не думал, что еще свидимся, Адали! – воскликнул он вместо приветствия.

– Ну да, я, как фальшивая монета, всегда объявляюсь в самый неподходящий момент, – улыбнулся Адали, показывая ровные белые зубы. – Все ли готово для нашей поездки?

– Давно.

– Тогда в путь! – объявил Адали. – Рохана, садись в дормез, я сейчас приду. – И, резко повернувшись, обратился к герцогу: – Подводы для сундуков миледи скоро придут. Рохана собрала все, что может понадобиться на первое время, и отнесла в карету. Подводы будут тащиться куда медленнее нас. Вряд ли они придут в Эрн-Рок ранее чем через день после нашего приезда, но леди наверняка захотят отдохнуть с неделю и лишь потом принимать соседей, так что много платьев им не понадобится.

– Ты прав, – отозвался герцог, вскочив в седло.

Ясное небо заволочло облаками, заморосил мелкий унылый дождик, и утро из солнечного превратилось в пасмурное.

– Опять Ирландия встречает меня непогодой, – с улыбкой сказала Жасмин Рори Магуайру. – Но расскажи, как поживает мой кузен.

– Здоров и счастлив, как мышь в головке сыра, – заверил Рори. – Хороший он человек, Каллен Батлер, хоть и священник. Не узколобый ханжа, как большинство служителей Божьих. И, как часто сам в этом признается, Рим не слишком им доволен, но поскольку мы находимся далеко от Рима, то для Магуайр-Форда Каллен Батлер – чистое благословение.

– А протестанты и их священник? Уже освоились?

– Добрые трудолюбивые люди. Сэмюэл Стин замешен из того же теста, что и ваш кузен, миледи. Рассудительный, искренний, разумный, так что никаких затруднений у нас не возникает, не то что у остальных.

– Молю Бога, Рори, чтобы так было впредь, – вздохнула Жасмин.

Проведя в пути несколько часов, они остановились на маленьком постоялом дворе.

– Знакомое место, – протянула Жасмин, – хотя двадцать лет назад здесь была ферма. Покинутая мужем женщина с маленькими детьми. Что с ними случилось, Рори?

– А вы не знаете? – усмехнулся тот. – Ваш покойный муж, английский маркиз, послал меня сюда через месяц после того, как вы обосновались в Магуайр-Форде. Купил дом у мистрис Талли и нанял ее управлять гостиницей. На деньги, что он ей платил, она не только содержала семью, но и смогла обрабатывать землю. Взгляните на вывеску, миледи. «Золотой лев». Мистрис Талли все твердила, что англичанин похож на льва. Это единственное приличное заведение между пристанью и Магуайр-Фордом. Англичанам не слишком оно по душе, но что они могут поделать, если владельцы – семья самого маркиза Уэсли?

– Мой сын никогда не говорил об этом, – удивилась Жасмин.

– Вероятно, сам не знает. Покойный маркиз поручил мне управлять делами гостиницы, поскольку я живу не так далеко и могу за всем присмотреть.

– Господи, столько лет, а я и не подозревала! У Рована было такое доброе сердце! Помню эту бедняжку с огромным животом... как малыши цеплялись за ее юбку! А дом! Убогая хижина с земляными полами и двумя деревянными скамьями. Помню, как ты рассказывал, что муж покинул ее и ушел вслед за вождями восстания. А теперь взгляните только! – охнула Жасмин.

Прежняя деревенская лачуга словно растворилась среди выстроенных квадратом зданий, составлявших гостиницу. Стены чисто выбелены, вокруг растут розы и петунии, в стороне – большая конюшня на две дюжины лошадей. В окна вставлены стекла, над трубами вьется дымок. В воздухе витает аромат жареного мяса и доброго эля.

Несколько парней бежали от конюшни, чтобы принять коней у приезжих.

– Пойдемте, миледи, – пригласил Рори, помогая Жасмин спешиться, – поздороваемся с мистрис Талли. Теперь она выучилась английскому, поняв, что без этого не проживешь.

Герцог Гленкирк неожиданно поймал себя на том, что немного раздражен тем, как запросто обращается ирландец с его женой, и хотел было вмешаться, но утешил себя тем, что слишком мало осталось людей, знавших Жасмин в молодости. Адали, Рохана, Торамалли да этот Магуайр – вот, пожалуй, и все. Кроме того, положение у Рори нелегкое. Дворянин, вынужденный стать слугой, – что может быть неприятнее! И все-таки он ухитрился сохранить достоинство и гордость. Пожалуй, стоило бы лучше узнать его. Похоже, парень он неплохой и честно ведет дела хозяев и арендаторов.

Жасмин едва узнала мистрис Талли, превратившуюся в пышную розовощекую матрону. Содержательница постоялого двора почтительно присела перед ней и еще раз поблагодарила за доброту и великодушие.

– Видите, миледи, благородное сердце вашего покойного мужа спасло нас. Не знаю, что бы с нами было, если бы не он, – призналась она с мелодичным ирландским акцентом.

Им накрыли стол в маленькой отдельной комнате и принесли жареную баранину с луком, морковь и картофелем, жирную утку, фаршированную яблоками, паровую лососину с укропом, свежий хлеб, масло и сыр. К еде подавались эль и вино.

– Жаль, что нельзя остаться на ночь, – вздохнул Джеймс Лесли, расстегивая камзол и отодвигая оловянную тарелку.

– Если переночуем здесь, не сможем добраться до Магуайр-Форда к завтрашнему вечеру, милорд, – пояснил Рори.

– А где же мы остановимся на ночлег, Магуайр? – поинтересовался герцог.

– В единственном подходящем месте – доме сэра Джона Эпплтона.

– Как! Он еще жив? – поразила Жасмин. – Насколько я помню, он и его жена – невероятные снобы, презирующие ирландцев. По-моему, он до сих пор кичится, что занимал какую-то скромную должность при дворе старой королевы Бесс.

– Жив и здоров, – мрачно подтвердил Рори, – а с годами стал еще более злобным и подлым. Жена его умерла, но зять с дочерью живут вместе с ним, и, поверьте, они ничем не лучше старого черта.

– Похоже, нас ждет приятный вечерок, – пробормотал Джеймс Лесли.

– О, милорд, не сомневайтесь, они кинутся пятки лизать вам и ее светлости. Вот только с остальными разговор будет короткий.

– А другого места нет? – с надеждой поинтересовался Джеймс.

Рори покачал своей огненной головой и скорбно развел руками.

Сэр Джон Эпплтон превратился в тучного старика, терзаемого подагрой. Его дочь Сара и зять Ричард оказались одинаково тощими и скучными. Они были на седьмом небе от того, что сам герцог Гленкирк с женой и дочерью почтили их визитом, и сразу усадили Фортейн рядом со своим отпрыском Джоном, очевидно, надеясь на чудо. Однако чуда не произошло. Джон, громкоголосый бесцеремонный хам, был так потрясен красотой и надменностью леди

Линдли, что мгновенно притих и не сводил с нее обожающего взгляда. Такой девушки ему еще не доводилось видеть! Фортейн же откровенно игнорировала соседа по столу: к несчастью, юный Джон Эпплтон отличался прыщавой физиономией и потными ладонями, а непривычная молчаливость и неумение поддержать беседу отнюдь не возвысили его в глазах Фортейн. Джон показался ей глупым и ничтожным.

– Слава о ваших лошадях идет по всей округе, – заметил старик. – Удивительная вещь, если учесть, что у вас на землях работают ирландцы, да еще и католики. Наверняка обобрали вас до нитки!

– У меня трудятся как католики, так и протестанты, – мило возразила Жасмин. – И те и другие преданы мне, и я не делаю между ними различия, сэр Джон. Все они хорошие люди.

– Паписты! Идолопоклонники проклятые, – прошипел старик.

– Католики поклоняются не идолам, – внезапно выкрикнула Фортейн, – а Господу нашему! Что за чушь!

– Мадам, одерните вашу дочь. Она слишком дерзка и своевольна, – вскинулся сэр Джон.

– Фортейн, извинись, пожалуйста, перед сэром Джоном. Он не виновен в своем невежестве, – велела герцогиня Гленкирк дочери.

– Хорошо, мама, – с приветливой улыбкой ответила дочь. – Простите меня за ваше невежество, сэр Джон. Мама права, вас трудно в этом винить.

И, поднявшись, низко присела.

– Пожалуй, мне пора отдохнуть, – объяснила она, направляясь к выходу.

Сэр Джон и его семейка, не слишком убежденные в том, что Фортейн действительно попросила прощения, не смели, однако, спорить с самой герцогиней Гленкирк, зато про себя дружно решили, что подобная девица совсем не подходит их Джону. Слишком смазливая и чересчур языкастая. Вне всякого сомнения, такие плохо кончают. Поэтому хозяева ничуть не огорчились, когда гости объявили, что пора спать.

Рори, Адали и Рохане неохотно накрыли стол в кухне. Слуги недолюбливали ирландца и с подозрением посматривали на его необычных спутников. После ужина им объявили, что Рохана может ночевать в покоях хозяйки, а мужчинам придется спать в конюшне.

– Господин не потерпит вашего брата в большом доме, – угрюмо бросила кухарка. – Того и гляди зарежете нас в собственных постелях.

– Сомневаюсь, чтобы какой-то мужчина набрался храбрости приблизиться к постели этой особы, – со смешком заметил Адали, поднимаясь на сеновал и расстилая плащ на связке сладко пахнущего сена. – Ничего страшного. Приходилось спать в местах и похуже.

– Мне тоже, – согласился Рори, укладываясь, и, немного помедлив, пробормотал: – Она кажется счастливой.

– Так и есть, – подтвердил Адали.

– Хорошо.

– Вы так и не женились, мастер Магуайр? – полюбопытствовал Адали.

– Нет. Смысла не было. Земли мне не принадлежат. Что я могу предложить женщине? Дети только усложнили бы мою жизнь, ибо ирландцы по крови и католики по вере – чужаки в собственной стране, пока ею владеют англичане. Да и сам я не уверен в собственном будущем. Не хватало еще тревожиться за жену и детей.

– Вам не нужна женщина? – поразился Адали.

– После нее?!

– Но с той поры прошло двадцать лет, мастер Магуайр. Всего один час. Час из целой ночи. Хотите сказать, что с тех пор у вас никого не было?

– Никого. О, разумеется, в тех редких случаях, когда меня одолевает похоть, я иду к знакомой вдове в деревню. Она щедра на милости к мужчинам вроде меня, но ведет себя осмотрительно, и никто не посмел бы назвать ее шлюхой, – объяснил Рори.

– А вы, мастер Магуайр, сумеете быть так же благоразумны? – оставив шутливый тон, осведомился Адали.

– Разумеется! Слова лишнего не пророню! Я знаю, мастер Адали, она не помнит, что случилось в ту ночь. Я не посмел бы причинить ей боль.

– Вот и прекрасно. Она считает вас своим другом, мастер Магуайр, и вряд ли вы хотели бы потерять эту дружбу. Она и Джеймс Лесли любят друг друга и живут душа в душу.

– Вам нет нужды бояться, Адали, – с легкой грустью заверил Рори. – Она никогда не смотрела на меня иначе как на друга. Это единственное, на что я могу надеяться, и не принесу даже самую малую частицу ее благоволения в жертву глупой надежде и мечтам, которым не суждено сбыться. Нет, Адали, я жизнь отдам за леди Жасмин, но она никогда не догадается о том, кто помог спасти ее. Если тайна откроется, мы оба будем опозорены.

– В этом нет стыда, мастер Магуайр, – покачал головой Адали. – Вы, я и священник выполнили свой долг, не более того. Совесть не должна вас терзать. В этом нет бесчестия. А теперь доброй ночи.

– Доброй ночи, Адали, – тихо ответил Рори Магуайр и, повернувшись на бок, закутался в плащ. Как бы он ни уговаривал себя, а следующие месяцы будут самыми тяжелыми в его жизни.

Глава 2

Они покинули поместье Эпплтонов еще до рассвета. Хозяева мирно спали, но гости не собирались задерживаться ни на мгновение дольше, чем было необходимо.

– Пожалуйста, передайте господину, – наставлял лорд Гленкирк полусонного дворецкого, – что мы благодарим его за гостеприимство, но нам предстоит долгое утомительное путешествие, и если мы хотим добраться до дома к вечеру, следует выехать пораньше.

Дворецкий смиренно поклонился.

– Да, милорд, как скажете, милорд. Сэр Джон расстроится, что не успел самолично вас проводить, – льстиво бормотал он.

– Мы его прощаем! – величественно объявил Лесли и, повернувшись, последовал за женой и дочерью на крыльцо. Женщины ежились от холода: утро выдалось сырым и туманным.

Дормез со слугами уже свернул на большую дорогу. Рори привел коней. Они быстро вскочили в седла и галопом помчались от Эпплтон-Холла.

– Слава Богу, отделались, – произнес Джеймс Лесли.

– Аминь, – вторил Рори.

Туман постепенно рассеивался, но солнце так и не выглянуло. Снова пошел дождь. Как ни странно, на общем сером фоне зелень казалась еще ярче. Мимо мелькали изумрудные холмы. Лишь иногда унылый пейзаж оживляли полуразрушенные каменные башни и маленькие деревушки. Жасмин заметила, что в прежний приезд деревень было куда больше. Сейчас же некоторые опустели и медленно умирали, другие совсем исчезли, и об их былом существовании напоминали только разбитые кельтские кресты, валявшиеся на поросших сорняками площадях. Ольстер, и прежде не слишком густо населенный, постепенно становился пустыней.

– Что здесь произошло? – обратилась Жасмин к Рори.

– Не все помещики похожи на вас, миледи. Вы же знаете, какая кара грозит тем, кто исповедует католическую веру. Многих просто согнали с земли за отказ перейти в протестантство.

– Но ведь хозяева здешних поместий чаще всего вообще не живут в Ирландии, – удивилась Жасмин. – Какая разница, кто обрабатывает землю, лишь бы имения процветали!

– Они назначают управляющих, во всем следующих букве закона, – пояснил Рори. – Большинство помещиков – англичане. Есть и шотландцы, но они никогда не приезжают сюда, если не считать тех, кто отправился искать лучшей доли и новых земель.

– А куда деваются переселенцы? – допытывалась Жасмин.

– Уезжают в те местности, где власти не так строги. Бегут в глубь страны, где и ведут нищенское существование. Многие погибают. Самые смелые добираются до Франции и Испании.

– Так уж повелось, – тихо заметила Фортейн, к удивлению собеседников. – Я узнала это из книг, да и мама часто говаривала, что все меняется. Ничто не стоит на месте. Одно племя побеждает другое, третье, четвертое, потом завоевывают его, и так далее до бесконечности. Но я согласна с матушкой: в Ирландии творится несправедливость. Ненавижу ханжество и лицемерие!

– Поверьте, миледи, и того и другого хватает с обеих сторон, – вздохнул Рори. – Магуайр-Форду повезло: оба священника – люди честные и порядочные, вещь почти неслыханная. На каждого пастора-протестанта, вбивающего в головы прихожанам, что католицизм – греховная вера идолопоклонников, всегда найдется католический падре, орущий с амвона во всю глотку, что протестанты – грязные еретики, которых следует жечь на кострах, а уж если на земле они избегут наказания, то в аду им точно не поздоровится, ибо они и есть дьявольское отродье. Подобные проповеди не ведут ни к взаимному пониманию, ни к терпимости, миледи. К сожалению, на земле куда больше Эпплтонов, чем таких, как ваша матушка.

– Вам нравится мама, так ведь? – спросила Фортейн, поравнявшись с ним.

Сердце Рори болезненно сжалось, но он нашел в себе силы небрежно усмехнуться.

– Совершенно верно, миледи. И всегда нравилась. У леди Жасмин такая благородная душа, что, должно быть, в ее жилах течет ирландская кровь.

– Мама считает, что если я останусь в Ирландии, то просто обязана сохранить за вами должность, ибо немногим людям можно доверять так, как Рори Магуайру.

– Возможно, ваш муж посчитает иначе, – возразил Рори.

Фортейн уставилась на него как на безумца. Он узнал этот взгляд, хотя Фортейн явно унаследовала его не от матери.

– Мой муж не получит никаких прав на Магуайр-Форд, – объявила она. – Если я выйду за Уильяма Деверса, все равно останусь сама себе хозяйкой. У него есть собственные земли и деньги. Женщины моей семьи не отдают в руки мужей свои состояния. Это немыслимо!

Рори громко рассмеялся.

– Матушка хорошо воспитала вас, миледи, – весело отозвался он.

– Если я выйду за Деверса, – как ни в чем не бывало продолжала Фортейн, – вы сохраните свое место, Рори Магуайр. Кроме того, мне необходимо, чтобы вы научили меня разводить лошадей. Я ничего не знаю об этом, умею только верхом ездить.

– Вы уже знаете, как говорить с ними, – успокоил Рори. – Я видел, как вы беседовали с Громом, прежде чем сесть в седло. Кто подсказал вам, как это делается, миледи Фортейн?

Фортейн озадаченно пожала плечами:

– Никто. Я всегда так делала, прежде чем вскочить на коня. Мне казалось, что вежливо будет спросить у него разрешения. Мои сестра и братья посмеиваются надо мной, но меня лошадь никогда не сбрасывала и все, начиная с самого первого пони, слушались беспрекословно, – объяснила она.

– Настоящая ирландка, – усмехнулся Рори.

– Вы мне по душе, Рори Магуайр, – провозгласила Фортейн.

– И вы мне тоже, леди Фортейн Мэри Линдли, – заверил он.

– Откуда вы знаете мое полное имя? – удивилась она.

– А разве вам не известно, миледи, что я ваш крестный?

– Вы?! Мама, это правда? Рори действительно мой крестный?

– Да, – кивнула ехавшая позади Жасмин.

– В таком случае, – обрадовалась Фортейн, – я буду звать вас дядюшка Рори, а вы станете называть меня Фортейн, разумеется, в кругу семьи, а не на людях.

Рори слегка повернул голову и дождался едва заметного кивка Жасмин.

– Хорошо, Фортейн, – согласился он, согретый благородством и обаянием девушки. Это вам не высокомерная английская мисс! Жители Магуайр-Форда примут ее сразу и безоговорочно и смогут продолжать свое мирное существование, если, разумеется, Уильям Деверс действительно не станет вмешиваться в дела своей невесты. Интересно, как воспримет молодой человек известие о том, что Фортейн удержит в руках свое богатство и земли? Насколько понял Рори, жениху придется подписать брачный контракт, прежде чем он поведет к алтарю огненноволосую красотку.

Дождь постепенно стих, и когда они остановились на отдых, солнце уже сияло в безоблачном небе. Судя по всему, остаток дня будет теплым.

Оглядевшись, Рори заметил знакомые вехи. Похоже, выехав пораньше, они доберутся до Магуайр-Форда к середине дня.

Но тут внимание его привлекла немая сцена между Жасмин и Джеймсом Лесли. В сердце словно кинжал вонзили. Эти двое были так откровенно влюблены друг в друга, что глазам было больно смотреть. Вопреки всему, в чем он уверял Адали и отца Батлера, в самом тайном уголке души всегда жила слабая надежда, что Жасмин его полюбит. Теперь же он ясно понял,

что этому не суждено сбыться. Осознание этого было таким острым, что в нем словно что-то умерло.

Рори тяжело вздохнул. Услышав это, Фортейн, сидевшая рядом, встрепенулась:

– Что случилось, дядюшка Рори? В жизни не слышала вздоха печальнее. – И, положив руку ему на плечо, попросила: – Не расстраивайтесь.

Неожиданное сочувствие потрясло Рори. Он ощутил, что глаза быстро наполняются слезами, и поспешно сморгнул.

– Ах, девушка, все ирландцы подвержены внезапным приступам дурного настроения! – Он пожал изящную ручку и объявил: – Но теперь все прошло, и нам пора ехать. Давайте я помогу вам встать, миледи. Ах, вы были таким прелестным ребенком, Фортейн Мэри Линдли, и стали настоящей леди!

– Интересно, откуда берутся эти, как вы говорите, приступы? У меня они тоже часто бывают. Для девушки, чей отец англичанин, а мать полуангличанка-полуиндианка, я унаследовала слишком много от своей ирландской прабабки, – усмехнулась Фортейн.

Теперь, когда цель путешествия была близка, они поехали медленнее. Экипаж неспешно тащился позади. Солнце пригревало все сильнее. Наконец они очутились на вершине холма, у подножия которого простиралась длинная лента голубой воды. Рори объяснил Фортейн, что это озеро Верхний Эрн. Есть еще и нижнее озеро. Рассекая местность, называемую Фермана, и соединяясь, они образуют реку Эрн, впадающую в залив Донегол, что в Баллишенноне.

– Взгляните, – окликнул он, вытягивая руку, – вон там Магуайр-Форд, а на самом озере стоит замок Эрн-Рок, который, вполне возможно, станет вашим домом, Фортейн.

– Посмотри на эти луга, малышка, – восхитилась Жасмин. – Там пасутся наши лошади и овцы! Те самые, что мы прислали на развод из Гленкирка!

– Совершенно верно, миледи, – кивнул Рори.

Они спустились с холма в деревню.

– Едут! Едут! – выкрикивали мчавшиеся впереди мальчишки на английском и ирландском. С полей степенно шли крестьяне, из домов поспешно выбегали женщины. Всем не терпелось увидеть вернувшуюся после двадцати лет отсутствия владелицу. Жасмин, заметив знакомое лицо, натянула поводья.

– Брайд Даффи! – воскликнула она и, соскочив с седла, обняла старую приятельницу.

– *Cai mille failte!* Тысяча приветствий! – выдохнула Брайд. Честное, открытое лицо расплылось в широкой улыбке. – Добро пожаловать в Магуайр-Форд, миледи Жасмин!

Женщины снова обнялись, и Жасмин вывела Фортейн вперед:

– Это твоя крестница, Брайд. Сделай реверанс, Фортейн.

Девушка послушно присела перед краснощекой поселянкой.

– Как поживаете, мистрис Даффи? Рада, что мы наконец свиделись.

– Благослови Господь ваше доброе сердечко, миледи. А я-то как счастлива! Когда мы расставались, вы были совсем крошкой! – Немного поколебавшись, она обняла девушку. – Теперь вы вернулись в то место, где пришли в наш жестокий мир, и, похоже, собираетесь выйти замуж.

– Только если он мне понравится, – поспешно предупредила Фортейн.

– Ну совсем как ее мамаша, – восхитилась Брайд.

– Обе мои дочери – крепкие орешки и на все имеют собственное мнение, – кивнула Жасмин. – Брайд, это мой муж, Джеймс Лесли.

Она подвела ирландку к Джеймсу и познакомила с ним.

Конец суматохе положил Рори, предложивший осмотреть замок. Экипаж со слугами уже укатил вперед. Замок Эрн-Рок, возведенный на узком мысу почти три столетия назад, был с трех сторон окружен водой. Чтобы войти в него, приходилось пересекать подъемный мост, перекинутый через вырытый со стороны суши ров, выложенный камнями и заполненный озер-

ной водой. Стоило поднять мост, и замок становился неприступной твердыней, пусть и не слишком большой.

Они перевели лошадей и вступили в ворота. Во дворе уже ждали конюхи, готовые принять коней. Фортейн немного растерянно огляделась. Двор, вымощенный каменными плитами. Чуть поодаль виднеется конюшня. Почти у самых ворот – дом привратника.

Она последовала за матерью к крыльцу, рядом с которым рос розовый куст. Фортейн сорвала цветок, поднесла к носу и, вдохнув сладостный аромат, поспешила подняться по ступенькам. Внутри замок оказался уютным и теплым. На первом этаже полы были каменные, на втором – из натертых лимонным воском досок. В обоих каминах парадного зала горело яркое пламя. Фортейн отметила, что все помещение едва ли больше гостиной в Гленкирке. На стене висела шпалера с изображением святого Патрика, изгонявшего змей из Ирландии. Вся мебель была из золотистого крепкого дуба. На этом же этаже размещались отделанная панелями библиотека и контора, где Рори вел дела поместья. Позади парадного зала располагалась кухня. На втором этаже находились спальни, в каждой из которых тоже был камин.

Открыв дверь самого просторного помещения, Жасмин отступила, чтобы дать дорогу дочери.

– Здесь ты и родилась, – тихо выговорила она. – Сестра мадам Скай, лекарка-монахиня Эйбхлин, помогла тебе появиться на свет. Ты далась мне труднее всех остальных детей, потому что лежала неправильно. Я еще поспорила с мамой на золотой, что будет мальчик.

– Ты очень расстроилась, когда родилась я? – полюбопытствовала Фортейн, никогда раньше не слышавшая эту историю.

– Конечно, нет! Как я могла! Ты была самым совершенством, и над губой такая же родинка, как у дедушки. Но самое главное, ты – последний дар мужа, которого я очень любила, Фортейн. Ты, Индия и Генри – все, что осталось у меня от Рована Линдли вместе со сладостными воспоминаниями. Самое дорогое наследство, которое я когда-либо получала.

– А что случилось с моей двоюродной бабушкой Эйбхлин? – спросила Фортейн. – Она все еще жива? Нельзя ли нам повидаться с ней?

– Нет, малышка, – улыбнулась Жасмин. – Эйбхлин О’Малли, упокой Господь ее светлую душу, умерла через два года после твоего рождения. – Она вытерла слезы, неизменно выступавшие на глазах при мысли об Эйбхлин и бабушке Скай, и, взяв себя в руки, сказала: – Теперь эта комната твоя, малышка. Хозяйские покои должны принадлежать госпоже.

– Но я еще не госпожа здесь, мама, – возразила Фортейн. – Эта комната для вас с папой. Я хочу ту, что выходит окнами на озеро. Если свадьба состоится, тогда мы переберемся сюда, но не раньше.

– Ты уверена?

– Разумеется, – кивнула Фортейн, но тут же нахмурилась. – А тебя не расстраивает мысль о том, что когда-то ты делила эту спальню с моим родным отцом?

– Нет, малышка. Я была здесь и счастлива, и несчастна. Может, нынешнее пребывание изгонит все грустные мысли и я стану вспоминать Эрн-Рок как дорогое мне место, потому что тут ты родилась и обвенчаешься. И мои внуки родятся в Эрн-Роке.

– Может быть, – задумчиво вздохнула Фортейн.

Жасмин взяла дочь за руку, и они вместе уселись на большую кровать.

– Малышка, каждый раз, когда речь заходит о свадьбе, ты словно колеблешься. Разумеется, такие чувства вполне естественны для будущей невесты, но мне кажется, дело не только в этом. Что волнует тебя, дочь моя?

– Вы все время повторяете, что не обязательно выходить за Уильяма Деверса, если он мне не понравится, и одновременно говорите о венчании так, словно это всего лишь вопрос времени. Я сама желаю выбрать себе мужа! Вы оторвали меня от дома, привезли в незнакомое

место и ожидаете, что я побегу к алтарю с незнакомым человеком! А что, если я действительно не захочу выходить за этого Деверса? Что тогда со мной будет?

– Если такое случится, значит, свадьбе не бывать, но почему ты заранее настроена против этого молодого человека? Лишь потому, что не знаешь его? Фортейн, по правде говоря, первого мужа нашел мне отец, Великий Могол, и я не видела принца Ямал-хана до самой свадебной церемонии. Однако мой родитель сделал мудрый выбор, и я была счастлива в браке. Моя бабушка представила мне моего будущего мужа, твоего отца, хотя мы тоже не были раньше знакомы, а старый король Яков повелел мне обвенчаться с твоим отчимом. Иногда старшие лучше знают, что нужно молодым, но, если ты вспыхнешь к Деверсу неприязнью, никто пригласить тебя не станет. Мы с Джемми не хотим, чтобы ты была несчастна.

– Но никто из нас в глаза не видел этого Уильяма Деверса, – мрачно заметила Фортейн.

– А мой кузен, Каллен Батлер? А преподобный Стин? Они считают его самым завидным женихом и достойным претендентом на твою руку, малышка. Возможно, это так и есть. Время покажет. А мы посмотрим. Однако поскольку его семья уже извещена о наших намерениях, самым справедливым будет, если мы дадим молодому человеку возможность показать себя.

– Ты права, – согласилась Фортейн, правда, без особого энтузиазма.

– Пойдем спустимся к джентльменам, – позвала Жасмин. – Думаю, мой кузен уже успел прибыть в замок.

Мать с дочерью рука об руку вошли в зал. Рори и Джеймс беседовали с седовласым священником в черной сутане. Жасмин отпустила пальцы дочери и рванулась вперед.

– Каллен Батлер! О-о-о, как я счастлива снова тебя видеть! Ты совсем не изменился. Спасибо за то, что помог сохранить мир в Магуайр-Форде! – воскликнула она, обнимая и целуя кузена в обе щеки.

– А ты, Ясамин Кама Бегум, так же прекрасна, как всегда, да еще стала матерью целого выводка детей! – радостно блестя глазами, ответил он.

– И бабушкой тоже, Каллен. Моего внука зовут Рован, в честь деда, а малышку – Адрианна, – сообщила Жасмин.

Священник устремил взгляд на Фортейн и едва не ахнул при виде ее пламенеющей гривы, но сумел сдержаться и ничем не выдать своего потрясения.

– Это, должно быть, леди Фортейн, – приветливо заметил он, – которую я сам крестил много лет назад. Добро пожаловать домой в Ирландию, дитя мое.

Фортейн присела и улыбнулась отцу Каллену, в котором сразу распознала друга и союзника.

– Спасибо, отец.

Священник поднял ее и громко чмокнул в обе щеки.

– В семейном кругу я для тебя кузен Каллен, детка. Ничего не скажешь, ты сильно выросла с тех пор, как я в последний раз тебя видел. А волосы совсем как у прапрабабки О’Малли, шотландской девушки с острова Скай. Я сам никогда ее не видел, ибо она скончалась еще до моего рождения, но, говорят, волосы у нее были как огонь.

«По-прежнему умен и сообразителен», – подумал Адали, стоявший у порога. Мадам Скай была бы довольна: ведь она сама вручила ему судьбу Жасмин, послав священника в Индию присмотреть за внучкой. И теперь, желая сохранить покой кухни, он твердит, что леди Фортейн унаследовала волосы от одной из прабабок, хотя больше ни у кого в семье не было волос такого возмутительного цвета. Адали довольно усмехнулся.

– Я хотела бы повидаться с преподобным мистером Стином, – заметила Жасмин.

– Я приглашал его сегодня, но он посчитал, что вам нужно дать время опомниться и устроиться, – пояснил Батлер.

– А Деверсы? Когда мы с ними познакомимся? – продолжала Жасмин.

– На следующей неделе. Приедут в гости дня на три, чтобы молодые люди подружились и решили, нравятся ли они друг другу. А ты, Фортейн? Не терпится узреть нареченного? Могу заверить, парень он красивый.

– Он не мой нареченный и не будет им, пока я не пойму, выйдет ли из нас хорошая пара, – запротестовала Фортейн. – Я не выйду за нелюбимого.

– Так и следует, девушка, – поддержал ее священник. – К браку надо относиться серьезно и со всем уважением, Фортейн Мэри. Все же о мастере Деверсе я слышал только хорошее и думаю, что мы не ошибемся.

– Малышка, иди с Адали. Он покажет тебе остальную часть замка, – велела Жасмин. – Когда-нибудь ты станешь здесь хозяйкой и должна познакомиться с каждым уголком. А мы с отцом Батлером пока побеседуем.

– Она колеблется, что вполне естественно для девушки на выданье, – заметил священник. – Сколько ей лет?

– Этим летом исполнится двадцать, – ответила Жасмин.

– Лежалый товар. Не слишком ли стара, чтобы разыгрывать пугливую девственницу? – резко бросил герцог. – Ее полагалось бы выдать замуж лет пять назад, если бы не ее своевольная старшая сестрица!

– Успокойся, Джемми, теперь уже ничего не поделаешь! И потом, ты сам обещал не торопить Фортейн, иначе она еще больше заупрямится. Неприятно, конечно, если она и Уильям Деверс не подойдут друг другу, но это еще не конец света, – рассмеялась Жасмин. – Наверняка где-то есть человек, созданный для нашей Фортейн, и рано или поздно они встретятся, в этом я уверена.

– Ты с каждым днем все большеходишь на свою бабу, – проворчал Джеймс. – Как можно до такой степени пренебрегать приличиями? Мы нашли ей идеального молодого человека, из хорошей семьи, как говорят, красивого и хорошо сложенного, который к тому же в один прекрасный день получит значительное наследство. Повезло девчонке, что такой парень соглашается идти под венец со старой девой. В двадцать лет заполучить мужа не так-то просто.

– Обычные треволнения невесты, – заверил Каллен Батлер. – Как только встретится с Уильямом Деверсом, обо всем забудет, даю слово.

– А как по-вашему, Рори? – обратился Лесли к управляющему.

– Ничего плохого я о нем не слышал, милорд. Насколько я понял, мать Деверса собирается управлять Лиснаски, но молодая пара будет жить здесь, в Эрн-Роке. О нем говорят только хорошее, хотя лично я предпочитаю старшего брата.

– Старшего брата? Но мне сказали, что Уильям – наследник отца. Как это может быть, если у него есть старший брат?

– Старшего брата лишили наследства, милорд, – вздохнул Рори.

– За что?

– Он католик, милорд.

– Какой ужас! – воскликнула Жасмин.

– Таков мир, в котором приходится жить, – мрачно буркнул герцог. – Разве мыслимы в наше время подобные вещи? Позор!

– Даже здесь, в Ирландии, особенно в Ольстере, – тихо пояснил священник, – нас всячески проклинаят и преследуют. Наказания так же жестоки, как в Англии. Католики не могут занимать государственные должности и имеют право заседать лишь в палате лордов.

– Но это потому, что они не могут с чистой совестью принести клятву верности королю, ибо в Англии именно он – глава церкви, – вставила Жасмин.

– Католики не имеют права слушать публичные мессы, никто не смеет приютить священника, – вознегодовал Каллен. – Разве не вы платите за нас штрафы в королевскую казну? В противном случае нас давно бы изгнали. Я сам забочусь о том, чтобы мои люди несколько

раз в месяц посещали службы преподобного Стина, чтобы не вызвать подозрений, иначе нас посчитают предателями. И если кто-то из них не причастится в церковный праздник, с него берут пеню в двадцать фунтов. Три таких проступка подряд считаются изменой.

– Но ты же знаешь, что послужило этому причиной, – запротестовала Жасмин. – Бабушка вместе с дедушкой Адамом как раз были в Париже в 1572 году, во время печально известной Варфоломеевской ночи. Папа Григорий XIII неприкрыто ликовал, когда узнал об этом событии, и даже повелел устроить крестный ход из священников и кардиналов, чтобы отпраздновать гибель несчастных протестантов. Мало того, он громогласно призывал к убийству королевы Бесс, заранее предлагая отпущение грехов убийцам. А в 1605 году какие-то подлецы католики вступили в заговор, замысливая взорвать парламент во время речи короля Якова. Но все же я считаю, что ни к чему терзать и преследовать всех католиков за грехи нескольких фанатиков.

– С этим я вполне согласен, кузина, – хмыкнул священник. – Благодарю тебя от лица всех моих прихожан.

Следующие несколько дней прошли тихо и без особых событий. Семейство Лесли отдыхало после утомительного путешествия. Фортейн объезжала поместье, одна и с Рори Магуайром. Она решила, что никаких нововведений не будет. Да и придаться не к чему: Рори прекрасно ведет дела. Оказалось, что у них много общего, в частности любовь к лошадям. Фортейн было так легко с Рори, словно они знали друг друга всю жизнь.

Утром в понедельник прибыл преподобный Сэмюел Стин, высокий мужчина с красивыми серыми глазами. В темно-каштановых волосах белели седые пряди, круглый подбородок зарос щетиной. Голос у него был глубоким и звучным.

– Добрый день, миледи, – с поклоном приветствовал он Жасмин.

– Рада познакомиться с вами, преподобный Стин. Стин... Какое странное имя! Только не обижайтесь, я не хотела вас оскорбить. Пожалуйста, садитесь, в такой прохладный день неплохо погреться у камина.

Сэмюел Стин поспешил принять приглашение.

– Мы родом из Голландии, миледи. Моя семья, потомственные ткачи, вместе с несколькими другими семьями прибыла в Англию триста лет назад с королевой Филиппой как часть ее приданого. Нам приказали основать ткацкие мастерские, чтобы английскую шерсть не нужно было посылать в чужие страны. Но во времена Марии Кровавой протестантов стали преследовать, и мы вернулись на родину. Десять лет назад нам представилась возможность отправиться в английские колонии в Новом Свете, но, увы, в нашем корабле открылась течь. Пришлось зайти в английский порт, и там перед нами встал выбор: ехать в Ирландию или возвратиться в Голландию. Мы выбрали Ирландию. Так случилось, что в день нашего прибытия на пристани оказался мастер Магуайр. Он предложил нам убежище здесь, в Магуайр-Форде, с тем условием, что мы будем жить в мире с соседями-католиками. Как мы могли не согласиться? Слишком хорошо мы знаем, каково приходится гонимым. Однако некоторые из наших соотечественников не сумели найти в себе достаточно терпимости, поэтому мы оставили их на пристани. И никогда не пожалели о том, что приехали сюда, миледи.

– Я тоже. Мой кузен Каллен Батлер написал, что вы и здесь устроили маленькую ткацкую мастерскую, где обучаете всех, в том числе и католиков. Я довольна вашими начинаниями, преподобный Стин. А завтра посмотрю, так же ли вы хороши в выборе женихов, – с улыбкой заключила Жасмин.

– Я видел молодую леди, скакавшую куда-то с мастером Магуайром. Прелестное дитя. Молодой Уильям станет ей хорошим мужем, – заверил священник.

– Если они подойдут друг другу, – возразила Жасмин. – Я не собираюсь принуждать свою дочь, Сэмюел Стин.

Протестант несколько растерялся, но ничего не ответил, уверенный в том, что все уладится. Родители наверняка настоят на своем, и свадьба состоится.

– Ваша дочь протестантка? – осведомился он.

– Она родилась здесь, в Магуайр-Форде, после смерти моего второго мужа и крещена моим кузеном. Однако воспитывали ее в догматах англиканской церкви, – пояснила Жасмин.

– Возможно, мне стоило бы окрестить ее по протестантскому обряду, – предложил Стин. – Сэр Шейн и его жена очень строги в вопросах веры и могут расстроиться, узнав про это обстоятельство. Я не желаю ни вам, ни вашей дочери ничего дурного, поверьте.

– Одного крещения для доброй христианки вполне достаточно, Сэмюел Стин, – твердо объявила Жасмин. – И если то обстоятельство, что моя дочь была крещена католиком, придется им не по вкусу, значит, вряд ли их сын годится ей в мужа. Она достаточно богата, чтобы самой выбрать себе мужа, и этим мужем совершенно необязательно должен стать Уильям Деверс. Пусть радуется, что Фортейн не сразу ему отказала!

Священник понял, что перед ним женщина сильная и привыкшая повелевать, но ничуть не был этим обескуражен. Остается надеяться, что Фортейн Линдли унаследовала материнский характер, ибо ее будущая свекровь, леди Джейн Энн Деверс, была крепким орешком и мало в чем уступала герцогине Гленкирк. Кроме того, она была яркой протестанткой и уже поговаривала об изгнании католиков из Магуайр-Форда, когда ее сын станет там хозяином. Молодой Уильям, однако, казался более уступчивым, и если новобрачные поселятся в Эрн-Роке, он подпадет под влияние жены, а это, похоже, куда лучше, чем постоянные наставления матери. Сам Стин не видел причин избавляться от католиков. Все в деревне прекрасно ладят, и если никто не станет вмешиваться, все пойдет по-прежнему.

Утром в день приезда Деверсов новая горничная Ройс, младшая внучка Брайда Даффи, помогла Фортейн искупаться. Фортейн осталась довольна девушкой. Стройная брюнетка с большими голубыми глазами и фарфоровой кожей, усыпанной веснушками на переносице, Ройс держалась услужливо и почтительно. Бабушка несколько месяцев готовила ее к завидной должности в хозяйстве леди Фортейн.

– У тебя уже есть поклонник, Ройс? – поинтересовалась Фортейн, пока горничная закутывала ее в мягкое нагретое полотенце.

Ройс стыдливо порозовела.

– Мы с Кевином Хеннесси хотели бы встречаться, миледи, но бабушка считает, что нам лучше прилежно исполнять свои обязанности и не думать о глупостях. Возможно, через год-другой ему разрешат за мной ухаживать.

– А чем занимается твой Кевин? – спросила удивленная Фортейн. Похоже, служанка пользуется не большей свободой, чем она сама.

– Помогает мастеру Магуайру приглядывать за лошадьми.

– И ему это нравится? Хорош он в своем деле? – не унималась Фортейн. Гром и молния! Вытягивать сведения у Ройс – все равно что зубы рвать!

– Да, Кевин любит зверюг, как он их величает, – оживилась Ройс. – И отлично с ними управляется. Говорят, что в один прекрасный день он сменит мастера Магуайра, но до этого, разумеется, еще очень далеко.

– А вы уже целовались?

Ройс снова вспыхнула, на этот раз куда жарче.

– О, миледи, – хихикнула она, – вы не должны спрашивать о таком!

– Это означает, что все-таки целовались, – уточнила Фортейн. – Прекрасно! И что ты при этом чувствовала? До сих пор я целовалась только с родственниками, но с поклонником – это совсем другое дело, правда?

Ройс, застенчиво кивнув, принялась яростно растирать хозяйку.

– Когда Кевин целует меня, – начала она, но тут же поправилась: – то есть, если бы это произошло... мое сердце рвется из груди, а на душе становится так легко! Трудно описать, какое это чудо! Если бы, конечно, оно случилось на самом деле.

Фортейн лукаво усмехнулась:

– Не слишком много мне это говорит, Ройс, если, разумеется, ты сама не испытала, что это такое. Интересно, долго ли будет выжидать Уильям Деверс, прежде чем попытается меня поцеловать, и понравятся ли мне его поцелуи?

– Женщинам обычно такие вещи по душе, – обронила Ройс, надевая на хозяйку чистую сорочку.

– Ты права, моя мать обожает целоваться, – согласилась Фортейн, расправляя кружевные оборки вокруг низкого выреза и широких рукавов, закрывавших локти.

Ройс надела кремовые шелковые чулки на стройные ножки Фортейн и закрепила их подвязками с золотыми розетками. За чулками последовали шелковые нижние юбки, поверх которых полагалась еще одна, распашная, темно-зеленая, с разрезом, открывающая кремовый с золотом фрипон¹.

– Садитесь, миледи, позвольте уложить вам волосы, – предложила Ройс и, распустив буйную массу рыжих прядей, принялась расчесывать и укладывать их в простой узел, который и заколола на затылке госпожи. Единственный «локон любви», свисавший над левым ухом, был перевязан золотой лентой, усыпанной жемчужинами. Отступив, девушка удовлетворенно оглядела творение рук своих и помогла Фортейн надеть жесткий темно-зеленый корсаж с квадратным вырезом, из которого выглядывали кружева сорочки. Рукава корсажа тоже спускались ниже локтей, как и у сорочки, кружевная отделка которой оставалась видна. Туалет был простым, но явно дорогим.

– Вы так милы! – восхитилась Ройс, ничуть не преувеличивая. – Принести вам шкатулку с драгоценностями, миледи?

Фортейн кивнула и, когда горничная подняла крышку ларца, выбрала длинную нить кремовых жемчужин. Огромные капли легли на шею, оттеняя белоснежную кожу и темный шелк. Фортейн застегнула на левом запястье браслет из двойной жемчужной нити. На правой руке сверкала золотая цепочка, украшенная изумрудами. Перебрав кольца, Фортейн отложила огромную барочную жемчужину, круглый изумруд и простой золотой перстень-печатку с гербом Линдли: два лебедя с перевитыми шеями, образующими сердце.

– Ну вот, – усмехнулась она, – достаточно внушительно для первой встречи.

– Ну и проказница же вы, миледи! – хихикнула Ройс, унося шкатулку.

В дверь тихо постучали, и, прежде чем горничная успела ответить, появилась герцогиня Гленкирк в богатом платье из шелка цвета бургундского вина. Вокруг шеи переливалось ожерелье из рубинов размером с голубиное яйцо, руки были украшены драгоценными браслетами и кольцами. Причесана она была точно так же, как дочь, только без «локона любви».

– Вы обе прелестны! – похвалила она дочь и служанку. – Зеленое так идет к твоим глазам и волосам, девочка. У тебя кожа настоящей ирландки, как у всех О’Малли, и это так красиво!

– Благодарю, мамочка, – обрадовалась Фортейн. – Вижу, ты готова к битве. Неужели тебе не жаль бедную леди Джейн? Собираешься уничтожить ее при первой же встрече? Ты кажешься скорее королевой, чем герцогиней.

– Все знакомые леди Джейн утверждают, будто она всегда старается настоять на своем и подчинить всех и каждого собственной воле. Я хочу, чтобы она сразу поняла: со мной такое не пройдет. Крайне важно прояснить подобные вещи при первой встрече, иначе потом сделать это будет гораздо труднее. А ты должна помнить, что собираешься выйти замуж за Уильяма, а не за его твердолобую мамашу. Мне говорили, что он приятный молодой человек, как и его

¹ Нижняя юбка XVII в., виднеющаяся из-под верхней, называемой модест. – *Здесь и далее примеч. пер.*

отец. Необходимо поставить на место только твою будущую свекровь, чтобы в дальнейшем не иметь неприятностей, – посоветовала Жасмин.

– Слушайте ее светлость, миледи, – неожиданно выпалила Ройс. – Даже до Магуайр-Форда доходят слухи о леди Джейн, хотя бабушка спустила бы с меня шкуру за длинный язык.

– Какие слухи? – любопытствовала Фортейн.

– Вроде бы она ненавидит католиков и не выносит самой их близости. Те, кто живет в Лиснаски, вынуждены скрывать свою веру из страха потерять все: дом, работу, имущество. Ее приемному сыну, мастеру Кайрену, позволено остаться под их крышей только потому, что мачеха боится скандала. Что скажут люди, если сэр Шейн изгонит собственную плоть и кровь? Но он лишил мастера Кайрена наследства, когда тот в двадцать один год отказался обратиться в протестантство.

– Но как получилось, что старший сын сэра Шейна – католик? – удивилась Жасмин.

– Сам сэр Шейн был рожден в истинной вере, – бесхитростно пояснила Ройс. – Первой его женой, да упокоит Господь ее чистую душеньку, была леди Мэри Магуайр, родственница мастера Рори. Она родила мужу троих детей: Мойру, Кайрена и Колин. Последняя девочка и стала невольной причиной смерти матери, которая скончалась в родах. Старшим детям было шесть и четыре, когда это случилось. Два года спустя сэр Шейн стал ухаживать за мистрис Джейн Энн Эллиот, единственной дочерью лондонского торговца, обосновавшегося в Дерри. Девушка имела собственные, пусть и небольшие, средства, и сэра Шейна привлекала не только она, но и скромное приданое. Единственным условием этого брака было обращение сэра Шейна в протестантство. Это же касалось детей, уже имевшихся и будущих. Бедняга не был тверд в вере, и, кроме того, ребяташки нуждались в матери.

И хотя земель и скота у него было немало, он испытывал нужду в наличных деньгах, чтобы отстроить полуразрушенный дом и купить еще коров и овец. Поэтому сэр Шейн согласился на требования будущих родственников, снова крестился у протестантского пастора и отправился к венцу. Дочерей тоже сумели уговорить отречься от веры предков. Мойре, любимице отца, исполнилось восемь. Она стремилась угодить ему и не восстановить против себя мачеху, хотя, нужно отдать справедливость леди Джейн, та оказалась добра к отпрыскам своей предшественницы. Малышке Колин было всего два года, и она не ведала, что творит. Для нее леди Джейн стала единственной матерью, которую она знала. Но шестилетний мастер Кайрен оказался упрямым, как призовой бычок своего папаши, и к тому же обожал мать. В наследство от нее у него остались лишь католическая вера и крошечный миниатюрный портрет. Каждый раз, когда отец с мачехой принуждали его идти на воскресную службу, он шел с ними, а потом удирал на мессу, которую тайком служили где-то в Лиснаски. Родители обнаружили это лишь через несколько лет. К тому времени он вырос, и когда его приперли к стенке, даже не стал ничего отрицать. Но с тех пор ноги его не было в протестантской церкви.

Леди Джейн родила мужу двоих – девочку Элизабет и мастера Уильяма. Больше детей у них не было. Ходили слухи, что сэр Шейн содержит недалеко от Лиснаски любовницу, некую Молли Фицджеральд, от которой у него две дочери. Но об этом не слишком распространялись, поскольку Молли – католичка. Наконец, когда мастер Кайрен достиг совершеннолетия, отец потребовал либо отречься от католицизма, либо уступить право первородства мастеру Уильяму. Говорят, отец и сын так кричали, что слышно было в самом Баллишенноне, но Кайрен Деверс отказался стать вероотступником ради куска земли. Поэтому отец лишил его наследства в пользу молодого мастера Уильяма.

– И все же Кайрен Деверс по-прежнему живет в отцовском доме? – ахнула Жасмин.

– Мачеха не позволяет мужу избавиться от пасынка из страха перед осуждением соседей. Она всем твердит, что Кайрен сам во всем виноват. Хочет казаться святой в глазах посторонних. Поэтому мастер Кайрен живет в своих комнатах, в отдельном крыле, и хотя многие опе-

чальены таким поворотом событий, никто не смеет вслух осуждать леди Джейн, – продолжала Ройс. – Бедному мастеру Кайрену некуда идти. Родственники матери покинули страну, а родные отца живут в Донеголе. Кроме того, они почти его не знают. Но хотя Кайрен Деверс и горд, все же отнюдь не дурак. Бабка говорит, что ему просто нравится злить леди Джейн, которая вынуждена его терпеть и при этом ласково улыбаться пасынку. Говорят, она подбивала мужа не оставлять Кайрену ни гроша, чтобы спасти от вечного огня его грешную душу, но сэр Шейн не стал ее слушать, ибо, как и жена, беспокоился о том, что скажут люди. Старший сын не вычеркнут из завещания и каждый год получает неплохое содержание из наследства, полученного леди от покойного отца. Я слышала, что мастер Кайрен немало забавляется, жертвуя добрую часть денег католической церкви, чем страшно раздражает мачеху. – Ройс лукаво хихикнула. – Сама я в жизни его не видела, но все считают, что он красив как бог и коварен, словно сам дьявол. Однако он добр и всегда готов помочь нуждающимся, в основном единоверцам, изгнанным из собственных жилищ.

– Никогда не слышала от тебя столь красноречивых речей, – поддела служанку Фортейн.

– Да и нечего было говорить, пока ваша матушка не спросила, – пробормотала Ройс.

Жасмин улыбнулась:

– Практичная ты девица, Ройс, совсем как моя дочь. Брайд мудро поступила, выбрав тебя для Фортейн.

Дверь спальни снова приоткрылась, и в проеме появилась голова герцога.

– Карета Деверсов проезжает через деревню, – сообщил он жене. – Пойдем, иначе опоздаем их встретить и нас посчитают грубиянами. Нам ведь необходимо произвести хорошее впечатление, как ты считаешь?

– Неужели? – лукаво усмехнулась Фортейн.

– Похоже, в детстве я мало тебя драл, – отозвался Джеймс Лесли.

– Ты совсем меня не драл, папа, – напомнила Фортейн, беря его под руку и улыбаясь, глядя на суровое лицо.

– А следовало бы, – поддразнил герцог и обратился к жене: – Где мы будем их приветствовать, мадам?

– В зале, – решила Жасмин. – Адали их проводит. Тем самым мы сразу возьмем верный тон, ибо по рангу мы гораздо выше их и оказали огромную честь, согласившись на сватовство. Чем больше я узнаю о Деверсах из Лиснаски, тем менее уверена, что они именно та семья, с которой можно породниться. Возможно, мы не слишком усердно искали Фортейн жениха на родине.

Если Джеймс Лесли и поразился словам жены, то виду не подал. Слишком хорошо знал он, что Жасмин все равно настоит на своем, что бы он ни говорил, и чаще всего оказывается права в спорах.

– Ничего еще не подписано и даже не обсуждалось, – заявил он, – и мы всегда можем передумать, если Фортейн не понравится этот жених или мы решим, что он ей не подходит, дорогая Жасмин.

– Рада, что ты придерживаешься того же мнения, Джемми, – кивнула жена.

Заслышав шорох колес по гравию подъездной аллеи, они спустились в парадный зал. Адали, как обычно, одетый в белые шаровары, тунику и тюрбан, первым встречал гостей. Стоя на крыльце, он дождался, пока Деверсы выйдут из кареты и поднимутся по ступенькам, а затем почтительно поклонился:

– Сэр Шейн, леди Джейн, мастер Уильям, я Адали, мажордом герцогини. Добро пожаловать в замок Эрн-Рок. Сובлаговолите следовать за мной. Герцог и герцогиня, а также леди Фортейн находятся в парадном зале.

Глава 3

Леди Джейн Деверс, косо взглянув на мужа, прошептала:

– Видел? У нее в слугах темнокожий чужеземец! Нам не говорили, что она якшается с подобной швалью!

– Если человек занимает столь важную должность в хозяйстве герцогини, – пробормотал в ответ сэр Шейн, – значит, заслужил доверие как ее, так и герцога. А теперь закрой рот, пока не разрушила все надежды Уильяма на этот брак. Девушка – богатая наследница.

– Как и я в свое время, – ледяным тоном возразила жена.

– Ты с ней не равняйся, – парировал сэр Шейн, высокий представительный мужчина с когда-то темными, но теперь почти белыми волосами и темно-синими глазами. Очевидно, он много времени проводил на свежем воздухе: обветренные щеки рдели румянцем, а большие руки выдавали заядлого любителя лошадей.

Жена, напротив, была миниатюрной, со светлыми седеющими волосами и голубыми глазами. Она все еще сохранила следы былой красоты, хотя опытный глаз мог бы заметить искусно нанесенные румяна и пудру. Очевидно, леди Джейн считала, что еще может молодиться. Правда, наряд ее давно вышел из моды: темно-синяя верхняя юбка колоколом доходила до щиколоток и надевалась поверх нижней юбки с фижмами, осиной талией и длинным остроконечным передом корсажа. И хотя платье было сшито из дорогой ткани, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы леди Джейн поняла, как проигрывает по сравнению с герцогиней. Поняла и едва не заплакала с досады. Ну почему она не узнала заранее, что наденет леди Лесли? Почему самонадеянно полагала, что герцогиня, живя в Шотландии, так же отстала от моды, как она сама?

Заметив завистливые взгляды леди Джейн, Жасмин торжествующе блеснула глазами. Леди Джейн явно не по себе! Превосходно!

Она еще не составила мнения относительно Уильяма Деверса, но если ему предстоит стать ее зятем, вряд ли они поладят с его властной мамашей.

Приветливо улыбнувшись, Жасмин воскликнула:

– Добро пожаловать в Эрн-Рок, господа! Позвольте представить моего супруга Джеймса Лесли, герцога Гленкирка, и мою дочь, леди Фортейн Мэри Линдли.

Сэр Шейн и Уильям поклонились, леди Джейн присела. Хозяева ответили тем же.

– Благодарю за приглашение, ваша светлость, – откликнулся сэр Шейн. – Всегда хотел посмотреть, каков Эрн-Рок внутри.

– Но насколько я поняла, ваша покойная жена была родственницей тогдашних хозяев, – удивилась Жасмин.

– Вернее, кузиной Коннора Магуайра, – поправил сэр Шейн, – хотя у нее и Магуайров из Эрн-Рока был общий прадед.

– Вот как, – кивнула Жасмин, благосклонно взирая на молодого человека.

– Это мой сын и наследник Уильям, – пояснил сэр Шейн и, когда жена ткнула его локтем в бок, поспешно добавил: – И моя жена, леди Джейн.

– Как поживаете, ваша светлость? – пролепетала леди Джейн, украдкой присматриваясь к Фортейн. Слишком уж смазлива, а эта рыжая грива... Просто вызывающе! Подозрительно смахивает на ирландку!

– Рада познакомиться с вами, дорогая, – медовым голосом пропела она. – Мою милую падчерицу тоже зовут Мэри².

² Английский вариант ирландского имени Мойра.

– Никакая я не Мэри, – отрезала Фортейн. – Меня называли Фортейн, мадам, имя, созвучное слову «фортуне», ибо матушка посчитала величайшей удачей, что я была зачата в ночь перед убийством отца.

У Джейн Энн Деверс даже дух перехватило. Неужели у девчонки нет ни малейшей деликатности? Рассуждать о зачатии на людях?! Но, напомнив себе, сколько денег у этой паршивки, она быстро нашлась с ответом:

– Какое необыкновенное имя, дорогая! Но если вы привыкли к нему, мы станем называть вас именно так.

– Мне кажется, оно удивительно вам подходит, – вмешался Уильям, целуя руку Фортейн. – Ваш покорный слуга, миледи.

Светло-голубые глаза оценивающе смотрели на девушку, растянутые в улыбке губы обнажали два ряда мелких белых зубов.

– Очень рада, сэр, – ответила она, разглядывая его столь же откровенно. Светлые глаза, каштановые волосы с золотистым отливом. Выше ее ростом, что порадовало Фортейн, считавшуюся чересчур высокой для девушки. Лицо и руки смуглые: очевидно, много времени проводит на свежем воздухе. И сложен неплохо.

– Надеюсь, я заслужил ваше одобрение, миледи, – пробормотал он так тихо, что расслышала только она.

– На первый взгляд да, – призналась девушка.

Уильям рассмеялся. Он не любил жеманных, застенчивых женщин и ожидал встретить именно такое чопорное создание, но был приятно разочарован. Как хорошо, что Фортейн Линдли не из таких! Куда интереснее укрощать дикую рысь, чем вечно иметь дело с покорным котенком. Правда, отец всегда твердил, что жена – это милая куколка, которую следует лелеять, защищать и приучать во всем слушаться мужа. Однако обучение идет гораздо живее, если попадаетесь дама с характером. Что же, Фортейн Линдли – своенравная кобылка, такую и обуздать приятно.

– Сейчас прикажу подать вина, чтобы отпраздновать встречу, – сказала Жасмин. – Адали, найди, пожалуйста, бочонок с красным аршамбо. Оно уже несколько лет хранится в подвале и должно быть превосходным. И принеси сладких вафель.

– Будет исполнено, принцесса, – с поклоном ответил Адали, спеша к выходу.

Джейн не смогла сдержать любопытства.

– Ваш слуга чужеземец? – выпалила она.

– Адали был рядом с того дня, как я родилась. Он полуиндеец-полуфранцуз, мадам. Я появилась на свет в Индии. Если считаете Адали иностранцем, то и я не совсем англичанка, ибо отцом моим был правитель Индии, Великий Могол Акбар. Мать же, английская аристократка с ирландскими корнями, оказалась его четвертой и последней женой. Овдовев в шестнадцать лет, я приехала в Англию, где вышла замуж второй раз – за Рована Линдли, маркиза Уэсли. Герцог – мой третий муж. Наш брак был устроен самим королем Яковом и королевой Анной, упокой Господь их светлые души, – закончила Жасмин.

Ну вот, теперь миледи Джейн будет о чем поговорить!

Но оказалось, что Джейн Деверс не так легко запугать.

– Боже мой, целых три мужа! Я всегда считала, что и одного более чем достаточно, мадам. Сколько же у вас детей, если не считать дорогой Фортейн?

– Ну-у, – протянула Жасмин, и Джеймс едва не охнул при виде лукаво сверкнувших глаз жены. – Трое от Линдли, две девочки и мальчик. Трое мальчиков и умершая вскоре после рождения девочка от моего Джемми. – Она послала мужу любящий взгляд, прежде чем договорить: – И разумеется, сын от покойного принца Генри. Он был моим возлюбленным между вторым и третьим браками. Чудесный молодой человек! Нашему сыну Чарльзу Стюарту дарован титул герцога Ланди.

– Вы родили бастарда! – воскликнула бледная от негодования Джейн Деверс.

– Мадам?! – прогремел ее муж, стыдясь за жену.

– Стюарты всегда были большими поклонниками женщин, не так ли, Джемми? – весело спросила Жасмин. – Кроме того, ни один отпрыск королевской семьи никогда не считался изгоем, и его не бросали на произвол судьбы. Король обожает своего племянника, леди Джейн. Чарли был едва ли не с колыбели принят при дворе, и все семейство считает его родным. Его дед был так рад рождению внука, что пообещал сделать моего деда, графа де Мариско, герцогом, с тем чтобы Чарли унаследовал его поместье. И сдержал слово. А, вот и Адали! Леди Джейн, сэр Шейн, отведайте вина из французских владений семьи де Мариско.

Глаза Уильяма весело блеснули. Он искренне надеялся, что его будущая жена похожа на свою острую на язык мамашу, и едва не рассмеялся, когда его мать, забыв о хороших манерах, схватила серебряный кубок и выпила едва не половину вина еще до того, как был предложен тост. Всю жизнь он пытался вывести ее из себя, поколебать хваленое самообладание, но так и не сумел. Это не удавалось даже старшему брату: мать, раздраженная его поведением, никогда этого не показывала. Восхитительно, что будущая теща оказалась столь грозным противником.

– За детей! – провозгласила Жасмин, поднимая кубок. – Будем надеяться, что этот брак из тех, что совершаются на небесах.

– За детей! – отозвались сэр Шейн и герцог. Джейн промолчала, неожиданно для самой себя потеряв уверенность в том, что хочет видеть своей невесткой леди Фортейн Линдли. У ее брата миленькая дочь, Эмили Энн Эллиот. Вот кто будет идеальной женой для Уильяма! Слава Богу, что еще ничего не решено! Еще есть время уберечь дорогого мальчика от этого ужасного мезальянса. Никакие деньги в мире не смогут возместить позор невестки, чья мать бесстыдно, напоказ всему свету валялась в постели с любовником и произвела бастарда!

Но тут Джейн ахнула, схватившись за сердце, при виде священника, входившего в зал вместе с преподобным Стином.

– Кузен! – обрадовалась Жасмин. – Выпей с нами вина! И вы тоже, Сэмюел Стин. Адали, еще два кубка.

– Кузен?! Шейн! Она назвала паписта кузеном! – лихорадочно шептала Джейн мужу. – Если она протестантка, откуда у нее родственники-католики?

– Я был католиком, прежде чем женился на тебе, дорогая, – напомнил сэр Шейн. – Во многих англо-ирландских семьях есть и католики, и протестанты. Не расстраивайся, Джейн. Все подсказывает мне, что это выгодный брак. Смотри, он и девушка уже поладили. Уильям в два счета покорит ее сердце.

– Но мне все это не нравится, особенно распутство этой женщины. Возможно, Эмили Энн будет лучшей женой для Уильяма. Что, если Фортейн унаследовала нрав своей матери? Страшно подумать, сколько несчастий причинит она нашему сыну!

– Признаю, девушка кажется чересчур резвой, но молодые и должны быть такими, – возразил сэр Шейн. – Ничего плохого в этом не вижу.

– Почему она не смогла найти мужа в Англии или Шотландии? – шипела Джейн. – Что, задумался? Возможно, у нее слишком сомнительная репутация, о которой мы в нашей глуши ничего не ведаем и узнаем, когда будет слишком поздно!

Она нервно осушила кубок.

– Прояви хоть чуточку милосердия, девочка, – шепнул муж Жасмин. – Бедняжка уже не знает, куда деваться.

– Мы совершили ошибку, – отрезала Жасмин. – Не желаю, чтобы моя дочь связала жизнь с сыном этой женщины. Ты понятия не имеешь, что я узнала о ней!

– Надеюсь, ты поделишься со мной, – хмыкнул герцог. – Забудь о леди Джейн, дорогая Жасмин, и посмотри на Фортейн. Похоже, молодые люди нашли общий язык. Решать не нам, а ей. Через несколько месяцев ей исполнится двадцать лет, и она уже успела отказать доб-

рой полудюжине лучших женихов в Англии и Шотландии, с поместьями и титулами. Если ей понравится Уильям, так тому и быть.

– Посмотрим, посмотрим, – пробормотала Жасмин, не спуская глаз с парочки. В самом деле, Уильям похож на мать разве что глазами. Это уже неплохо. И улыбка чарующая, только Фортейн этим не возьмешь. Она и не такое видела. Все же он, похоже, искренне интересуется девушкой, и Джемми прав: Фортейн слишком разборчива. Может, лучше купить им дом в Англии? Кто сказал, что им обязательно жить в Эрн-Роке? Молодому Деверсу наверняка понравится в Англии. Можно подыскать что-нибудь вблизи Королевского Молверна или Кэдби, родового поместья Линдли. Будут навещать Гленкирк каждый год, а когда Фортейн родит первенца, вся семья приедет посмотреть на нового родственника. Да, именно так! Нужно купить им красивый дом в Англии в качестве второго свадебного подарка.

– Опять у тебя этот взгляд, – заметил муж. – Что ты задумала, дорогая Жасмин?

– Ничего особенного, – отмахнулась она, – просто поняла, как сделать так, чтобы волки были сыты и овцы целы.

– Если так, помоги нам Господь, – отозвался герцог.

Жасмин, вновь превратившись в гостеприимную хозяйку, обратилась к Деверсам:

– Леди Джейн, сэр Шейн, вы, разумеется, знакомы с нашим добрым Сэмюэлом Стином. А это мой кузен, отец Каллен Батлер.

– Милорд, миледи, – поклонился священник. Леди Джейн едва заметно наклонила голову, но тут же отвернулась. – Рад снова видеть вас, Шейн Деверс, – продолжал Каллен, игнорируя грубость леди Джейн. Слишком хорошо знал он ее репутацию, чтобы оскорбиться наглым выпадом. Для нее достаточное наказание уже и то, что приходится сидеть рядом с католиком.

Отец Батлер злорадно усмехнулся, но тут же мысленно попенял себе за недостойные мысли. Нужно не забыть наложить на себя епитимью и в знак покаяния прочитать на ночь не менее трех «Аве».

– Отец Батлер! Полагаю, вы недавно виделись с Кайреном? – с горечью осведомился сэр Шейн.

– Разумеется. Мы видимся довольно часто, – коротко ответил тот. Нет смысла сыпать соль на раны. В конце концов, не он и не церковь отвечают за поступки Кайрена Деверса.

– Похоже, молодые люди уже успели подружиться, – жизнерадостно отметил преподобный Стин.

Присутствующие дружно закивали.

– Красивая пара, вы не находите? – продолжал преподобный.

Общий одобрительный гул был ему ответом.

– Для прочного союза требуется больше, чем просто смазливые лица, – резко выпалила леди Джейн.

– Несомненно, – согласилась Жасмин.

– Возможно, – вмешался Каллен Батлер, – леди Фортейн хотела бы проехаться верхом вместе с мастером Уильямом.

– Прекрасная мысль! – обрадовалась Фортейн. Ей хотелось поскорее убраться из зала. Сэр Шейн показался ей довольно приятным человеком, но леди Джейн, несмотря на ластивые речи, не понравилась с первого взгляда. Кроме того, девушке хотелось побыть наедине с красавчиком Деверсом, получше узнать, что он собой представляет. Может ли между ними загореться искорка страсти?

– Хотите прогуляться? – спросила она.

– У меня нет лошади, – с сожалением покачал головой Уильям. – Мы приехали в карете.

– Об этом не беспокойтесь, – засмеялась Фортейн. – Адали, прикажи оседлать коней. Я пойду переоденусь во что-нибудь более подходящее. Ты позволишь, мама?

– Разумеется, – кивнула Жасмин, поняв замысел дочери.

Фортейн выбежала из зала, вскоре вернулась и, позвав Уильяма, снова исчезла.

Молодой человек, широко улыбаясь, последовал за ней, не обращая внимания на злобное шипение своей мамы:

– Ваша дочь ездит по-мужски? В штанах?!

Уильям не слышал, что ответила герцогиня, но не сомневался, что она нашла достойные слова. Сам он находил костюм Фортейн очаровательным, а штаны облегли стройные ноги и круглый задик. Наряд дополняла белая сорочка с широкими рукавами, поверх которой надевался темно-синий шелковый дублет. Все это очень шло девушке.

Грум уже держал под уздцы двух лошадей, красивого, серого в яблоках, мерина, на которого немедленно вскочила Фортейн, и могучего вороного с блестящей на солнце шкурой.

– Его зовут Оберон, – сообщила Фортейн. – Вперед!

Он послушно последовал за ней из ворот, по мостику и через деревню и, поравнявшись с девушкой, спросил:

– Почему вы не выбрали себе кобылку?

– Рори Магуайр, наш управляющий, считает, что мы с Громом очень друг другу подходим. Мне нравятся норовистые кони, такие, как Гром. А вы любите ездить верхом?

– Очень. Не нахожу особого удовольствия в том, чтобы, как отец, корпеть над счетами поместья.

– Поэтому мы и взяли управляющего, – согласилась Фортейн.

– И не бойтесь, что он вас обкрадет? Ведь он ирландец, а все ирландцы – воры.

– Но и вы тоже ирландец, по крайней мере со стороны отца, – возразила Фортейн.

– Я всегда считал себя британцем, – отрезал Уильям.

– Вы родились здесь. Живете здесь. Ваш отец – ирландец. Кто же вы в таком случае? – рассудительно ответила Фортейн. – Вот я – другое дело. Мой отец – англичанин. Отчим – шотландец. Мать – индианка со стороны отца, а в жилах ее матери текла кровь ирландцев, французов и англичан. Я племянница ныне царствующего Великого Могола, а мои единокровные братья Лесли – родня турецкому султану. Словом, Уильям Деверс, у нас мощное фамильное дерево, длинные и густые ветви которого давно перепутались так, что сам дьявол их не расплетет.

– Вы просто поразительны, – выпалил Деверс. – Никогда в жизни не встречал девушки, сколько-нибудь напоминающей вас. Почему вы хотите выйти за меня?

– Я не говорила ничего подобного, – покачала головой Фортейн. – Мне еще предстоит найти любимого, а о том, чтобы идти к алтарю с первым встречным, и речи быть не может. Пусть все это, на ваш взгляд, чересчур романтично и глупо, но уж такова я, Уильям Деверс.

– Друзья зовут меня Уиллом, – сообщил молодой человек. – Надеюсь, вы полюбите меня, Фортейн, что же касается меня, я уже обожаю вас. Вы такая живая и пылкая!

– Какой прелестный комплимент, Уилл! – с улыбкой пробормотала Фортейн. – О, взгляните! Это дерево, на котором мать велела повесить убийцу моего отца. Вон на той толстой ветке. Говорят, она даже не поморщилась, когда приказала удавить его отцовским поясом, и смотрела, как он корчится в муках. Он намеревался убить маму. Они с отцом отправились на прогулку, но по пути остановились поговорить с моей старшей сестрой Индией. Та попросила посадить ее на лошадь, и мама нагнулась, чтобы взять ее на руки, но тут прогремел выстрел, и отец упал с седла. Крестьяне, прибежавшие с полей, заметили блеск мушкета на холме и, ринувшись туда, поймали злодея. Он оказался бывшим управляющим, которого мама выгнала. Представляете, негодяй набрался наглости признаться, что хотел расправиться именно с ней!

– А за что она выставила его? – любопытствовал Уильям.

– За жестокость и ханжество. Выгнал жителей из Магуайр-Форда только за то, что они оказались католиками. Собирался населить деревню одними протестантами. Кроме того, он считал, что мама слишком дерзка и развязна для женщины и к тому же успела околдовать отца.

– Значит, вы не одобряете практику изгнания католиков, – заключил Уильям.

– Нет, разумеется. Зачем избавляться от порядочных, трудолюбивых людей только потому, что они слушают мессу, а не проповедь?

– Стоит зазеваться, как они нас прикончат, – уверенно объявил он.

– Да? А вы на их месте не сделали бы того же самого? – раздраженно бросила Фортейн. – Вы что, за дурочку меня принимаете, Уилл Деверс? Поверьте, с обеих сторон льются потоки грязи. Сколько злобы, сколько лицемерия! Я прекрасно это понимаю и уверена, что было бы куда спокойнее, если бы англичане всего лишь правили страной и предоставили ирландцам жить в мире. Но нет, англичанам нужно во все сунуть нос, поэтому ирландцы сопротивляются изо всех сил. Настоящее безумие!

– Для молодой девушки вы слишком много размышляете, – заметил он, когда они отъехали от рокового дерева.

– Значит, образованные девушки вам не по душе, Уилл?

– Меня учили, что обязанности женщины – вести хозяйство, наблюдать за слугами и воспитывать детей, заботиться об их благополучии, духовном и телесном, а также во всем угождать мужу, чтобы он всегда торопился домой, в обитель мира и покоя.

– И по-вашему, для этого женщине не нужно образование? – серьезно спросила Фортейн.

– Моя мать учила дочерей всем тонкостям домоводства... – начал Уилл.

– А могут они писать? Читать? Говорить на других языках, кроме родного? Знают ли они историю своей страны и сумеют ли показать на карте Новый Свет? Посмотреть на небо и назвать звезды?

– Зачем им все это нужно? – удивился Деверс.

– Если не ведаешь грамоты и арифметики, как разобраться в счетах? Как увериться, что управляющий тебя не обманывает? Выучив другие языки, можно разговаривать с немцами и французами. Что же до всего остального... просто забавно знакомиться со всякими интересными вещами. Знание дает нам силу, Уилл. Все женщины моей семьи получили достойное образование. Я намереваюсь обучать моих детей, как сыновей, так и дочерей. Вы, разумеется, читаете и пишете?

– Конечно, – поспешно заверил он. – Но мои сестры неграмотны. Мэри, Колин и Лиззи давно замужем и не видят никакой необходимости в образовании, впрочем, как и матушка. Она единственное дитя и наследница моего деда Эллиота. Отец хотел жениться на богатой девушке, потому что нуждался в деньгах, хотя земли у нас хоть отбавляй. Мой же дед желал зятя с большим поместьем, в котором много скота. Так совершается большинство браков, Фортейн, и не важно, образованна невеста или нет. Жених прежде всего ищет хорошее приданое.

– Но я все же предпочитаю знания. Мужья в нашей семье не смотрят на сторону, потому что их жены очаровательны, умны и красивы не только в спальне, – гордо объявила Фортейн. – А ваш отец, как я слышала, содержит любовницу.

Уильям покраснел.

– Молодые леди не должны рассуждать на подобные темы, – пробормотал он, – и даже знать о таких неприличных вещах. – И, весело хмыкнув, добавил: – А вы девица прямая, ни прибавить, ни отнять.

– Неужели вы хотели бы, чтобы я притворялась и кокетливо хихикала, как те мисс, что охотятся за мужьями? – вспыхнула Фортейн.

– Нет, – к собственному удивлению, выпалил он, вдруг обнаружив, что ему нравится такая откровенность. Мать наверняка разозлилась бы, но ведь не ей выбирать, а эта Фортейн Мэри Линдли и в самом деле необыкновенная особа. Редкий цветок!

– Сколько вам лет? – спросил он.

– Девятнадцать. А вам?

– Двадцать три.

– Видите вон тот холм? Посмотрим, кто быстрее туда доберется! – воскликнула она и, прищипнув мерина, помчалась вперед, как настоящая древняя амазонка. Волосы, выбившиеся из узла, стелились по ветру. Уильям бросился за ней, охваченный непереносимым желанием повалить ее на землю и овладеть упругим молодым телом. Он не мог дожидаться брачной ночи, ибо решил, что женится на Фортейн во что бы то ни стало. Даже если за ней не дадут и полпенни, он все равно захочет ее, но уже, разумеется, не в качестве жены.

Фортейн не собиралась поддаваться ему. Она не из таких! И играет, чтобы выиграть!

Копыта Грома пожирали милю за милей, но вороной не отставал. Девушка пригнулась к шее коня, шепотом подбадривая его, упрямая не уступать, жадно глотая холодный воздух. Скоро пойдет дождь...

Гром взлетел на холм и едва не столкнулся с всадником, въехавшим на вершину с другой стороны. Животные застыли подобно изваяниям.

– Кайрен! – воскликнул Уильям Деверс, присоединяясь к ним. – Это леди Фортейн Линдли. Фортейн, это мой единокровный брат Кайрен Деверс.

Стройный темноволосый мужчина окинул девушку дерзким взглядом.

– Настоящая сорвиголова, ничего не скажешь, – хмыкнул он, потянувшись, чтобы навить на палец локон сверкающих красных волос.

– А мне говорили, что вы осел, сэр, – резко парировала Фортейн.

Кайрен, рассмеявшись, обратился к брату:

– А твоя мать одобряет ее, Уилли?

– Не столько меня, сколько мое приданое, – огрызнулась Фортейн, – но вы слишком спешите, мастер Кайрен, ибо помолвка еще не состоялась и не состоится, пока я не захочу.

– Не женись на ней, Уилли, – посоветовал старший брат. – Сразу видно, что тебе она не по зубам. – Он снова расхохотался при виде возмущенного лица Фортейн и добавил: – Думаю, наша кузина Эмили Энн станет тебе куда лучшей женой, чем эта дикая кошка.

– Кайрен! – в ужасе простонал Уильям и, красный от смущения, обернулся к Фортейн: – Мой брат просто шутит. Правда, у него весьма своеобразное чувство юмора. Пожалуйста, простите его. Он не хотел ничего дурного.

– Абсолютно ничего, – согласился Кайрен, сверкнув зубами в коварной усмешке. – Ничего, леди Фортейн.

Она полоснула его негодующим взглядом, и в глазах этого дьявола заплясали лукавые искорки. Темных глазах. Темно-зеленых глазах. Ах, он возмутительно красив! Куда красивее своего брата. И в отличие от Уилла с его безупречными манерами кажется дурно воспитанным, бесшабашным бродягой. Есть в нем некая неистовая сила... Ни за что не скажешь, что они братья... правда, наполовину. Уильям Деверс похож на отца: высок, хорошо сложен, с материнскими голубыми глазами и каштаново-золотистыми волосами. Лицо приятное, круглое, с изящным носом и маленьким ртом. Зато Кайрен еще выше, с овальным лицом, квадратным подбородком, большим ртом и носом, словно высеченным из гранита. Ну просто свирепый гунн, особенно по контрасту с братом, который кажется настоящим идеалом цивилизованного джентльмена. Мужчин, подобных Кайрену Деверсу, необходимо сторониться, ибо они опасны.

– Кайрен, почему ты приехал? – спросил Уильям.

– Думал, что делу поможет, если мы предстанем перед хозяевами примерной дружной семьей, особенно когда герцог Гленкирк поймет, что мне плевать на земли нашего папочки. Они твои вместе с моим благословением, младший братец. Как видите, миледи, Уильям Деверс не придет к богатой невесте нищим и обездоленным. Вас это радует?

– Его богатство ничего для меня не значит, – презрительно бросила Фортейн. – На свои деньги я могу купить несколько таких поместий, как Лиснаски. Я ищу человека, которого полюблю, олух вы неотесанный!

И, повернув коня, Фортейн поскакала к замку.

– Фу, ну и злючка! Чистый огонь! – восхищенно заметил Кайрен. – Повезет, если сумеешь завоевать ее, Уилли. Красные волосы и горячий нрав! Поверь моему опыту, в постели она будет настоящей тигрицей. Не уверен, заслуживаешь ли ты такого сокровища. Вряд ли она придется по душе твоей мамаше. Бьюсь об заклад, она предпочитает Эмили Энн, но у бедняжки просто нет такого состояния.

– Я не встречал девушки прекраснее Фортейн, и, кроме того, она такая интересная собеседница. Честно говорит все, что ей в голову приходит, – признался Уильям.

– Я уже это заметил, – усмехнулся Кайрен.

Братья спустились с холма и лугами вернулись в деревню. Несколько девушек громко приветствовали Кайрена. Для каждой у него нашлись шутка и доброе слово. Уильям поднял бровь. Он понятия не имел, что эскапады брата, как их именovala мать, давно происходят и в самом Магуайр-Форде.

Во дворе замка к Кайрену подошел рыжеволосый джентльмен.

– Кайрен, мальчик мой, как поживаешь! – воскликнул он. – А это, должно быть, твой младший брат. Рад знакомству, мастер Уильям! Я Рори Магуайр, управляющий поместьем ее светлости.

– Рори, ты, как всегда, прекрасно выглядишь, и это действительно юный Уилли, – кивнул Кайрен, спешиваясь.

– Вас не было в зале, когда мы приехали, – заметил Уильям.

– Нет, сэр, я слишком уважаю чувства вашей матушки, ибо всем нам известны ее воззрения. Думаю, с нее вполне достаточно отца Каллена, кузена леди Жасмин, – подмигнул Рори, весело улыбаясь.

– Верно, – засмеялся Уильям, решив про себя, что этот Магуайр – неплохой парень. Правда, мать сказала, что после свадьбы назначит управляющим Джеймса Дандаса, своего двоюродного брата и ревностного протестанта. Все же Фортейн заставила его задуматься, спросив, почему нужно изгонять человека, честно исполняющего свои обязанности, только из-за того, что его вероисповедание пришлось не по вкусу хозяевам. Кроме того, Джеймс ничего не знает о лошадях да еще и боится их. Разве он сумеет справиться с делами поместья, в котором разводят коней?

Уильям, соскользнув с седла, позвал брата:

– Пойдем, Кайрен, удивим маму!

Джейн Энн Деверс действительно удивилась при виде пасынка. Но как бы то ни было, нельзя же при всех выражать свое недовольство! Кайрен заслуживает уважения и, похоже, сегодня в хорошем настроении, что бывает нечасто. Оставалось надеяться, что он не выкинет чего-нибудь непристойного.

– Кайрен, дорогой, – прочиркала она, едва он приблизился к ней.

– Мадам, вы, как всегда, прелестны, – ответил Кайрен, кланяясь и целуя руку мачехи, потом повернулся и изящно поклонился герцогине Гленкирк. – Я Кайрен Деверс, ваша светлость. Надеюсь, я не причинил вам неудобств своим появлением, но, видите ли, мое любопытство оказалось слишком велико. Поэтому я и решил поддержать моего брата Уильяма в его стараниях покорить вашу прелестную дочь, которую я только что встретил.

Он поднес к губам пальчики Жасмин.

– Мы рады видеть вас в Эрн-Роке, Кайрен Деверс, – заверила она. – Адали, принеси мастеру Деверсу кубок вина. Вы присоединитесь к нам, сэр?

Жасмин жестом показала ему на кресло у огня. Красавец! Что он замышляет? Или действительно не лжет и просто хотел познакомиться?

Она вежливо улыбнулась Кайрену:

– Вы когда-нибудь бывали в Эрн-Роке? Ведь девичья фамилия вашей матери была Магуйр.

– Это мой первый визит, – отозвался Кайрен и поблагодарил Адали, поднесшего ему кубок с вином.

– Мы встретили Кайрена во время прогулки, – пояснил Уильям.

– Он уже говорил, дорогой, – терпеливо заметила леди Джейн. Господи, ну почему Уилли ведет себя перед герцогиней как последний болван? – Вряд ли он захочет остаться, особенно теперь, когда удовлетворил свое любопытство. А где же леди Фортейн?

– Вздор! Ваш пасынок должен хотя бы переночевать у нас! – непререкаемым тоном перебила Жасмин. – Я всегда славилась своим гостеприимством, дражайшая леди Джейн. Как чудесно, когда вся семья в сборе! Надеюсь познакомиться и с вашими дочерьми.

– Одна только Колин живет в Ирландии, – откликнулась леди Джейн. – Мэри и моя Бесси уехали в Англию, к мужьям. Колин живет в Пейле, неподалеку от Дублина. Там у ее мужа небольшое поместье. Она единственная, кто сможет приехать на свадьбу.

– Если свадьба состоится, – уточнила Жасмин.

Кайрен заметил, что мачеха слегка побледнела. Значит, зря она хвасталась, что женитьба Уилли – дело решенное. Интересно. Что ни говори, а девушка поистине завидная невеста не только благодаря своему богатству, но и красоте, хотя сама Джейн Энн уверена, что Лесли решили искать жениха для дочери в Ирландии, поскольку в Англии по какой-то причине та считалась нежеланной партией. Мачеха постоянно твердила, что самые лучшие мужья – англичане, и подыскала таковых для старшей девочки, Мойры, которую предпочитала звать Мэри, и своей родной дочери Элизабет. Колин, однако, угораздило влюбиться в сэра Хью Келли. Правда, мать Келли была англичанкой, а сам он – убежденным протестантом, поэтому Джейн Энн великодушно согласилась на этот брак.

– Разумеется, состоится, – уверенно объявил Уильям. – Я намереваюсь завоевать сердце Фортейн честно и без обмана. Она чудесная девушка, и я уже ее обожаю.

– Кого именно вы обожаете? – спросил Фортейн, входя в зал, одетая в новое зеленое платье. Плавающие волосы были аккуратно собраны под золотую сетку.

– Вас, разумеется, – бесхитростно выпалил Уильям.

– Вы просто дурачок, Уилл Деверс, – упрекнула она, но без особого пыла, и Кайрен это заметил. «Правильно, младший братец, – подумал он, – пускай в ход все свое обаяние».

Но, взглянув на Фортейн Линдли, внезапно превратившуюся из растрепанного сорванца в элегантную молодую даму, вдруг понял, что она действительно слишком хороша для Уильяма и этот брак поставит беднягу в невыносимое положение. Он, словно между молотом и наковальней, окажется между властной матерью, всю жизнь указывавшей ему, что делать и говорить, и своевольной молодой женой, которой никто не указ, даже родители. Фортейн наверняка потребует, чтобы муж плясал под ее дудку, и кончится тем, что между женщинами разразится война не на жизнь, а на смерть, безжалостная битва, жертвой которой падет Уилли, неплохой, в сущности, парень.

«Ага, – ехидно заметил внутренний голос, – значит, ты заранее пытаешься успокоить свою совесть, Кайрен Деверс. Девчонка заинтриговала тебя, и ты возмечтал ее заполучить. Черт возьми, да ты бы воцарился к ней, не имея она медного пенни! Но она не нищая. Богатая наследница, вероятно, считающая, что слишком хороша для таких, как ты. Гордая сучка, хотя и романтическая. Объявила, что выйдет замуж только по любви, и точка. Но что ты можешь ей предложить?» Пусть другие ищут богатых невест, у него тоже есть самолюбие.

– Брат Уильяма погостит у нас, – сообщила Жасмин дочери. – Ну разве не мило, малышка?

Фортейн, не ответив, вымученно улыбнулась. Судя по выражению ее глаз, она не находила в этом ничего хорошего. Как смеет этот... чужак нарушать покой их маленькой компании именно тогда, когда она решила побольше узнать об Уилли!

Девушка расстроено нахмурилась. Уильям Деверс показался ей достойным молодым человеком, но у него такие старомодные идеи! Да и матушка-ведьма чего стоит, не говоря уже о пройдохе-братце. Нет, при виде Уильяма сердце не выбивает барабанную дробь, готовое выскочить из груди. Наверное, это не любовь. Даже его брат пробуждал в Фортейн куда больше чувств.

Фортейн негромко ахнула. Кровь Господня!

Она украдкой метнула взгляд на Кайрена, и, к ее величайшему стыду, тот встретился с ней глазами и подмигнул. Щеки девушки мгновенно стали горячими, так что пришлось поспешно опустить голову. Немыслимо! Кайрен – последний на земле мужчина, которого она хотела бы видеть своим мужем, и ко всему прочему еще и католик. Нет, Уилл куда более подходящая партия! Именно он унаследует земли и имущество отца, а что касается его старомодных рассуждений... что же, его всегда можно переубедить. Ни в Шотландии, ни в Англии она не нашла человека, к которому была бы равнодушна. Через несколько месяцев ей будет двадцать. Если не Уильям, кто тогда? Разумеется, не этот темноглазый сатана, его брат!

Кайрен Деверс – человек ненадежный, в этом она не сомневалась. Как можно было отказаться от наследства из-за религиозных соображений? Только последний дурак на такое способен.

И честный человек.

Честный? Вполне возможно, но Фортейн не нужна полная волнений жизнь, когда каждую минуту жди беды. Именно такое существование сулит ей брак с Кайреном. Нет, приключения не по ней!

– Мама, можно Уильяму сесть рядом со мной за ужином? – умоляюще попросила Фортейн. Чем скорее она преодолеет свои колебания, тем скорее состоится свадьба.

– Конечно, – пожала плечами Жасмин, гадая, куда клонит дочь. Она видела, как Кайрен флиртует с Фортейн, к величайшей досаде последней. Правда, потом девушка притихла. О чем она размышляет?

Проницательная Жасмин быстро поняла ход мыслей дочери и покачала головой, уверенная, что если Фортейн принудит себя к браку с Уильямом, то будет глубоко несчастна.

Что же, пожалуй, стоит посадить Уильяма справа от Фортейн, а Кайрена – слева. Дочь все твердила о браке по любви, хотя в свое время была не прочь выйти замуж по расчету. Что случилось с ее практичным, разумным ребенком? Однако лучше любовь с неподходящим мужчиной, чем вечные муки с так называемым завидным мужем. Если Фортейн влечет к Кайрену, пусть поймет это сразу и смирится. Не стоит выходить за юного Уильяма только потому, что это правильный выбор. Но дочь может заупрямиться. Кроме того, негодник наверняка окажется куда более пылким любовником, чем респектабельный джентльмен. Нет, она не позволит Фортейн совершить ошибку! Не позволит!

Правда, если Джемми обнаружит, что происходит за его спиной, он наверняка взбесится, несмотря на обещание предоставить Фортейн самой решать свою судьбу. Придется как можно дольше скрывать от него свои планы.

– Адали, – позвала она мажордома. – Отнеси вещи мастера Кайрена в ту спальню, куда поселили его брата. Они вполне могут делить одну постель. Наверняка им и раньше доводилось спать вместе. Эрн-Рок слишком мал, но зато идеально подходит для молодой пары и их детей. Вы так не считаете, леди Джейн?

– Я думала, что Уильям с женой будут жить в Меллоу-Корте. Так или иначе, а когда-нибудь поместье перейдет ему, правда, Кайрен?

– Совершенно верно, мадам, – жизнерадостно отозвался тот.

– Если свадьба состоится, – повторила Жасмин, снова вселяя страх в сердце Джейн Деверс. – У молодых должен быть собственный дом. Фортейн совсем необязательно жить с родными мужа. В Ирландии у нее есть Эрн-Рок, и мы с герцогом, разумеется, намереваемся подарить ей приличный дом в Англии рядом с Кэдби, поместьем брата, или Королевским Молверном, имением герцога Ланди. Нужно же представить их ко двору!

– Мама, ты знаешь, что я ненавижу двор, – запротестовала Фортейн.

– Но ты должна завести необходимые связи, дочь моя, если хочешь добиться успеха своего конного завода, – напомнила Жасмин. – Не можешь же ты жить только на доходы со своей части фамильной торговой компании! Неужели ты думала, что я привезу тебя в Ирландию и брошу?

– Не знаю, – протянула Фортейн, сбита с толку непонятными речами матери.

В этот момент в зале появились Джеймс Лесли и сэр Шейн, обсуждавшие в библиотеке условия брачного контракта – на тот случай, если дети решат пожениться. Кайрен встал, поздоровался с отцом и поклонился герцогу. Сэр Шейн представил его Джеймсу Лесли. Герцог, увидев перед собой неукротимого кельта, похожего на него самого, полюбил Кайрена с первого взгляда. Парень, конечно, сгруппировался, когда отрекся от наследства ради церкви. Но нужно признать, человек он порядочный, не поджал хвост, как трусливый пес, и не изменил своим принципам.

– Значит, ты не жалеешь о своем решении, паренек? – спросил он Кайрена.

– Нет, ваша светлость, – покачал тот головой, сообразив, что герцог имеет в виду. – Меллоу-Корт принадлежит моему брату, и я рад за него.

– Однако ты остался в доме отца, – продолжал Джеймс.

– Пока. Я чувствую, что меня ждет другая судьба, но вот где? Я еще не знаю и поэтому готов подождать. Рано или поздно я пойму, какой жребий мне выпал.

Лесли кивнул. Как ни странно, он разделял мнение молодого человека. Ох уж эти ирландцы! Еще большие чудачки, чем шотландцы. Если Кайрен Деверс ждет озарения, так, несомненно, и случится.

– Ужин подан, милорд, – объявил Адали. – Миледи просит вас садиться.

– Прошу, джентльмены, – пригласил герцог гостей к столу.

Глава 4

Уильям Деверс не переставал поражаться тому, как стремительно влюбился в Фортейн Линдли. Одно ясно: он не в силах жить без нее, самой прекрасной в мире девушки. И ему нравятся ее огненные волосы, что бы там ни наговорила мать, а Джейн Энн Деверс было что сказать по возвращении домой. Она, правда, сдерживалась всю дорогу до Лиснаски, словно боясь, что герцогиня услышит. Странно, как быстро удалось Жасмин Лесли укротить ее! Уильям находил манеры Жасмин очаровательными, а лицо и фигуру – самым совершенством.

– Я женюсь на Фортейн, и как можно скорее, – объявил он родителям, как только семья собралась вечером у камина.

– Ни за что! – вскричала мать. – Слишком она дерзка и нахальна. Кичится своей ученостью, словно женщине пристало это показывать на людях! Она не для тебя, Уильям. Присмотришься лучше к своей кузине Эмили Энн. Пусть она не так богата, как Фортейн, но никакое золото не оправдывает появление этой Линдли в нашем скромном кругу!

– Совершенно согласен с вами, мадам, – поддержал Кайрен. – Впервые за все время нашего знакомства признаю вашу правоту.

– Вот как? – с подозрением пробормотала Джейн Деверс. – Почему бы это, спрашивается? Раньше ты во всем мне перечил, хотя, видит Бог, я старалась воспитывать тебя как подобает, несмотря на твою несчастную приверженность к папистам.

Кайрен рассмеялся. Джейн в самом деле честно выполняла свой долг, по крайней мере на людях, и жестокости в ней не было. Любая мать предпочтет сына пасынку, и мачеха была по-своему права, когда подзуживала сэра Шейна изменить завещание в пользу Уильяма. Как ни странно, Кайрен не жалел об этом. Он никогда не любил этот дом. Где-то, когда-то ему предстоит найти свою долю...

– Видите ли, мадам, все, что вы сказали, чистая правда, – объяснил Кайрен вслух. – Фортейн Линдли – красивая избалованная девица, знатная и богатая. Она, сама того не желая, делает из Уильяма слугу и приживала. Кузина Эмили Энн любит нашего Уилли с того времени, когда оба были детьми. Кроме того, она моложе Фортейн почти на три года и будет счастлива жить в Меллоу-Корте, под вашим зорким присмотром. Леди Фортейн ни за что на такое не согласится.

– Ты сам хочешь ее! – злобно прошипел Уильям. – Жаждешь ее заполучить! Не думай, что я этого не вижу!

Красный от гнева, он вскочил, готовый убить брата.

– Да, готов признать, я заинтригован, – спокойно ответил тот, – но меня всегда занимали неукротимые, буйные создания вроде нее. Тем не менее сомневаюсь, что герцог Гленкирк, кичащийся своей голубой кровью и родством с самим королем, добровольно отдаст мне свою прелестную богатую дочь. В нашем обществе браки совершаются по расчету. Ты прекрасно знаешь, что мне нечего предложить столь блестящей невесте. Пусть я и желаю ее, но никогда не получу. И если у тебя в голове осталось хоть немного разума, ты не станешь искать ее маленькой душистой ручки.

– Делай предложение, – твердил отцу Уильям. – Делай, или я навсегда покину этот дом!

– Дорогой! – умоляла Джейн, протягивая к сыну руки, но тот отпрянул.

– Я женюсь на леди Фортейн Линдли! А после свадьбы мы станем жить в Эрн-Роке, в Англии и где она пожелает. Ноги моей не будет в этом доме, пока вы не ляжете в могилу, мадам! Больше я не позволю вертеть собой, как марионеткой!

– А ей, значит, позволишь, – ехидно прошипела мать.

– У нее есть что предложить мне, мадам, в отличие от вас, – откровенно признался Уильям. Эффект его слов оказался убийственным. Леди Джейн залилась слезами.

– Она околдовала его, – всхлипывала несчастная женщина, припав к груди мужа, – иначе мой сын никогда не посмел бы так со мной говорить. Ведьма! Ведьма!

– Не будь дураком, Уилли, – уговаривал Кайрен молодого человека. – Да, девушка красива, но она не для тебя. У вас с ней просто нет ничего общего. О чем ты с ней собираешься говорить?

– Говорить?! Не собираюсь я с ней разводить беседы! Ты прекрасно знаешь, чем я хочу с ней заняться!

– Ох-х-х! – взвизгнула леди Джейн, едва не лишившись чувств. Сэр Шейн проглотил смешок.

– Придержи язык, юный повеса, – прикрикнул он на сына.

Зато Кайрен рассмеялся, при этом поймав на себе разъяренный взгляд мачехи.

– Ничего не поделаешь, мадам, вы сами учили его быть честным и откровенным.

– Если ты действительно желаешь этого, я отправлюсь к герцогу Гленкирку просить у него руки Фортейн, – успокоил сэр Шейн расстроенного сына.

– Попробуй только! Я никогда тебе этого не прощу! – вскричала потерявшая голову жена. – Она невыносимая, мерзкая девчонка! Мерзкая! Мерзкая!

– Успокойтесь, мадам, – посоветовал Кайрен, к удивлению мачехи, обнимая ее за плечи. – Вряд ли Фортейн Линдли примет предложение Уилли. Как все мы слышали, решать не родителям, а ей.

Джейн громко шмыгнула носом.

– Ты в самом деле так считаешь, Кайрен?

– Разумеется, мадам, – заверил он, сжав ее руку.

– Говори что в голову взбредет, – прорычал Уильям, – но Фортейн будет моей женой. Я не приму отказа!

– Придется, болван ты этакий, – бросил старший брат. – Ради Бога, Уилли, прекрати устраивать истерики из-за девчонки, иначе Эмили Энн и смотреть на тебя не захочет! Веди себя, как подобает Деверсу из Лиснаски, а не жалкому, вечно ноющему, изнеженному английскому милорду! – И, повернувшись к отцу, добавил: – Возможно, сэр, настала пора отправить Уилли на континент. Пусть мир повидает и себя покажет.

Джейн Деверс внезапно выпрямилась.

– О да, Шейн! – воскликнула она. – Он может сначала завернуть в Лондон, повидаться с сестрами. Я сама буду сопровождать его. – Она возбужденно, совсем по-детски захлопала в ладоши. – Нет, вот что я придумала! Мы все вместе поедem. И ты тоже, Кайрен. Я не была в Лондоне с детства!

В этот момент ее сердце переполняли самые добрые чувства. Пасынок просто спас ее! Сейчас главное – увезти Уилли подальше от Фортейн Линдли. А когда они вернутся, девушка наверняка уже уберется в Шотландию, а вот Эмили Энн останется. Останется и будет ждать.

– Мне, разумеется, понадобится новый гардероб. Судя по роскошному наряду герцогини, я совсем отстала от моды. Интересно, есть ли у Колин подходящая модистка, готовая приехать в Ольстер? Я немедленно ей напишу, – бросила на ходу Джейн, торопясь в свою комнату.

– Отправляйся к герцогу, – неумолимо повторил Уильям.

Кайрен подошел к буфету и, налив виски в маленькие чаши из полированного олова, протянул две отцу и брату, а третью взял себе. Шейн Деверс залпом проглотил огненную жидкость, обжегшую горло и раскаленным камнем провалившуюся в желудок.

– Сначала тебе придется выслушать меня, – объявил он сыну и наследнику. – Я говорил с герцогом в тот вечер, когда мы приехали в Эрн-Рок. Условия брачного контракта между тобой и леди Фортейн кажутся мне по меньшей мере странными. Герцог утверждает, правда, что они точно такие же, как для всех женщин этого семейства. Ты получишь в приданое деньги, но

остальное богатство леди Фортейн, включая земли, поместья и доходы, останется в ее руках. И ты не получишь права распоряжаться ее собственностью.

– Но ведь она пустит все по ветру, как любая женщина, если дать ей волю. Женщины не умеют с умом потратить даже деньги на булавки, не говоря уже о таком состоянии! Взгляни только, как мама выпрашивает у тебя лишнюю монету, потому что промотала карманные деньги до конца квартала! – воскликнул Уильям.

– По словам отчима, леди Фортейн управляет своими делами с тех пор, как ей исполнилось двенадцать. Прабабка сама обучала ее перед смертью – знаменитая Скай О’Малли, подруга и советчица королевы Бесс. За последние несколько лет девушка почти удвоила свое состояние. Она отнюдь не глупа, Уилл. Неужели ты воображаешь, будто можешь жениться на женщине, настолько самостоятельной? Ведь она ни за что не допустит тебя к своим финансовым делам. Да и что ты знаешь о подобных вещах? Девушка выросла в благородной богатой семье, образованна, неглупа и не удовлетворится жизнью обычной домашней клуши, для которой главное – вести хозяйство и воспитывать детей. В отличие от твоей мамы меня не обуревают безумная ревность и безрассудные эмоции, но я согласен с ней, что этот брак не принесет ничего, кроме несчастий. Если же ты, невзирая на сказанное мной, все же рвешься заполучить девушку, я поеду к Линдли.

– Проси руки Фортейн, – проскрежетал Уильям сквозь стиснутые зубы.

Кайрен пожал плечами и налил себе еще виски.

– Скажи лучше, что хочешь затащить ее в постель и не можешь придумать иного способа для этого, кроме как жениться на девчонке, – пренебрежительно бросил он. – Я знаю одну бабенку, которая ублажит тебя так, что ты навеки забудешь о Фортейн Линдли.

– Сам заришься на нее? – взвился брат.

– Если бы я хотел ее, давно бы взял, малыш, – с грубой прямоотой пояснил Кайрен. – Но девственницы меня не интересуют.

– Ублюдок! – завопил Уильям, пытаясь сбить с ног брата. Однако Кайрен оказался проворнее и, стиснув его руки, устало покачал головой.

– Веди себя прилично, Уилли, иначе мама не возьмет тебя в Лондон, – поддел он.

– Оставь его, парень, – велел отец. – А ты, Уилли, не распускай руки. Не позволю, чтобы мои сыновья дрались друг с другом, как пьяные матросы!

– Ты поедешь к герцогу? – потребовал ответа Уильям, вырываясь.

– Лучше pošлю письмо в Эрн-Рок. Завтра с утра, – пообещал Шейн.

– Милорд, только что прибыл посланец из Меллоу-Корта, – сообщил Адали, входя в парадный зал.

Герцог взял сложенный пергамент и, сломав печать, пробежал глазами аккуратно написанные строчки.

– Уильям делает предложение Фортейн, – объявил он и обратился к падчерице: – Ну, девочка? Согласна или нет?

Жасмин затаила дыхание.

– Знаю, папа, мне следовало бы выйти за него, – начала девушка. – Это вполне разумное решение, ибо я не становлюсь моложе.

– Но ты не согласна, девочка, верно? – продолжал герцог.

Фортейн покачала головой:

– Не согласна. Бедный Уилл! Я точно знаю, что он не гоняется за моими деньгами, к тому же красив и со временем унаследует неплохое поместье, но, папа, человека скучнее я в жизни не встречала. А его отношение к женщинам просто возмутительно! По его мнению, им следует сидеть дома, рожать детей и восхищаться каждым словом мужа. Он дурно образован для человека такого положения и не увлекается ничем, кроме верховой езды, да и то лошади

для него – лишь средство передвижения. Мысль о том, что можно выращивать породистых коней на продажу, кажется ему вздорной. Он считает, что такими вещами должны заниматься управляющие, а хозяевам нечего в это вникать. Мне не о чем с ним говорить, а, видит Бог, я пыталась. Если придется остаться старой девой, так тому и быть, ибо уж лучше навек сохранить невинность, чем на всю жизнь приковать себя к смазливому дурачку.

Жасмин громко вздохнула:

– Слава Господу нашему! Я так боялась, что ты поступишь как полагается и навеки останешься несчастной. Он тебе не подходит, малышка.

– Прекрасно, – на удивление спокойно откликнулся Джеймс Лесли. – И что же нам теперь делать?

– Думаю, мы вполне можем провести несколько месяцев в Ирландии, – предложила Фортейн.

– Согласна, – кивнула Жасмин. – И нужно сделать все, чтобы не оскорбить отказом юного Уильяма. Объяснить, что вы друг другу не подходите. Надеюсь, наши семьи останутся в дружеских отношениях, несмотря на взаимное разочарование.

– Ты права, – вмешался Джеймс. – Мы сами поговорим с ними. Не хочется, чтобы Деверсы чувствовали себя опозоренными. Жасмин, едем к ним завтра с утра пораньше, чтобы успеть вернуться к вечеру. Сегодня уже слишком поздно. Но сначала, однако, нужно известить отца Каллена и преподобного Стина. Они так надеялись на этот союз. Каллен, конечно, поймет, а вот для преподобного это будет тяжелым ударом.

– Может, мне тоже поехать? – осведомилась Фортейн.

– Не стоит, – возразил отчим.

Фортейн крепко обняла его и расцеловала в обе щеки.

– Спасибо за то, что не уговариваешь меня, папа. Конечно, я стала самым большим разочарованием для тебя, потому что никак не устрою свою жизнь, но, как ни мил Уильям Деверс, все же он не тот, кого я ищу. И неизвестно, найдется ли такой вообще.

Утром герцогская чета отправилась в Меллоу-Корт. Погода выдалась теплая, и по пути оба любовались живописными холмами, на которых паслись овцы.

Меллоу-Корт оказался красивым особняком в стиле Тюдоров. Едва дворецкий объявил имена гостей, как хозяева поспешили в парадный зал, где уже суетилась услужливая челядь, поднося герцогу и герцогине кубки с вином.

– Простите за неожиданный приезд, – начал Лесли, целуя руку леди Джейн, – но мы хотели лично дать ответ на ваше предложение.

Джейн мгновенно насторожилась. Значит, они решили отнять у нее сына! Женщина бросила расстроенный взгляд на мужа. Заметив это, Жасмин на мгновение почувствовала симпатию к бедняжке и поспешно сказала:

– Ваш сын – прекрасный молодой человек, и я гордилась бы таким зятем. Но моя дочь, к сожалению, считает, что будет ему неподходящей женой. И хотя мы не согласны с ней, все же предпочитаем не принуждать ее идти под венец, поэтому и решили сказать вам это с глазу на глаз. Не хотим, чтобы вы подумали, будто не понравились нам, и не стоит, чтобы об Уильяме пошли сплетни. Надеюсь, вы не слишком оскорблены и не подумаете плохо о Фортейн.

Джейн Деверс, ослабев от облегчения, едва удержалась на ногах. Уильям спасен. Но тут же волна нерассуждающего гнева охватила ее. Как! Ее сыну посмели отказать? Неужели эта паршивка считает, будто слишком хороша для Уильяма?

Она не успела сдержаться, и слова сами слетели с языка.

– В таком случае почему вы явились в Ирландию искать мужа, если ваша доченька отвергает самых лучших женихов? Что за неразумные капризы! – фыркнула она.

– Моя жена, – начал герцог, крепко сжимая руку Жасмин, словно призывая ее к молчанию, – хотела подарить Фортейн ирландское поместье и посчитала, что при этом вполне уместно найти ей супруга-ирландца.

– Что же, вполне резонно, – вставил сэр Шейн, предостерегающе глядя на жену. С чего это она раскричалась? Герцог и герцогиня Гленкирк более чем достойно обошлись с Деверсами, избавив их от позора. Теперь даже сплетники примолкнули, несмотря на то что Джейн успела раззвонить по всей округе о предстоящей женитьбе сына на наследнице Эрн-Рока.

– Итак, вы скоро возвращаетесь в Шотландию? – осведомился он.

– Не сейчас. Мы решили провести лето в Ольстере, – пояснил герцог. – Жасмин не была здесь с самого рождения Фортейн. Теперь, когда боль утраты утихла, она хочет насладиться покоем. Отец Каллен был ее наставником в Индии и двадцать четыре года назад проводил воспитанницу в Англию. Он ее родственник, и Жасмин его любит. Не думала она, что когда-нибудь еще с ним свидится. Осенью мы уедем в Шотландию, чтобы успеть поохотиться на дичь, а на зиму отправимся в Лондон, ко двору. Возможно, там Фортейн найдет себе спутника жизни. Очень на это надеюсь.

– Леди Фортейн – прелестная девушка, – учтиво заметил Шейн. – Жаль, что ей не суждено стать нашей дочерью, милорд.

После церемонного прощания Лесли из Гленкирка покинули Меллоу-Корт.

– Господь услышал мои молитвы! – вскричала леди Джейн Деверс, когда гости удалились. – Мы немедленно едем в Англию. Я могу заказать себе новые платья в Лондоне, по самой последней моде! Наверняка дублинской модистке не сшить ничего подобного.

– Уильям будет в отчаянии, – вздохнул муж. – Страшно сказать, что с ним сделается от такого известия. Бедняга убедил себя, что Фортейн Линдли – любовь всей его жизни, хотя видел ее всего несколько часов. Не пойму, что на него нашло, дорогая. Давай позовем его и все расскажем. Джон! Найди моих сыновей и приведи сюда. Сначала позови мастера Кайрена.

– Почему именно Кайрена? – возмутилась жена.

– Потому что лучше его никто не сумеет укротить Уильяма. Не желаю, чтобы мальчишка носился по всей округе, гоняясь за невестой. Это только смутит леди Фортейн и навлечет позор на наши головы.

Кайрену наспех объяснили ситуацию. Узнав обо всем, он сардонически усмехнулся. Что же, разве не он предсказывал, чем все кончится? Непонятно только, почему надменные Лесли вообще обратили внимание на семейку Деверсов. С таким родством и состоянием Фортейн Линдли могла бы найти себе герцога! Должно быть, в Англии по ней сохнет какой-нибудь бедолага, пока девчонка терзает безнадежно влюбленного, развлекаясь в Ирландии охотой за мужем.

– Когда девушка возвращается домой? – поинтересовался он у отца.

– Лесли намереваются провести здесь лето, – к удивлению Кайрена, ответил тот, – поэтому нужно как можно скорее увозить отсюда Уильяма. Ты едешь с нами?

Кайрен покачал головой:

– Отправляйтесь втроем. Я пригляжу за поместьем. Не волнуйся, отец, дел здесь не так уж много. Сев закончен. Овцы мирно пасутся на лугах. Я вполне смогу справиться с твоими счетами.

В зал почти ворвался Уильям Деверс:

– Ты посылал за мной, папа?

– Фортейн Линдли отказала тебе, – без обиняков выпалил отец.

– Разумеется, чего еще было ожидать в первый раз! – спокойно ответил Уильям. – Она настоящая леди, а леди не пристало сразу соглашаться.

– Ради Бога, Уилли! – нетерпеливо прервал брат. – Хоть стой перед ней на коленях с утра до вечера, она все равно отвергнет тебя. Ты ей не нужен! Ее родители сами прибыли сюда, чтобы сообщить это. Брось думать о ней и женись на кузине.

– Я тебе не верю! – прорычал Уильям.

– Фи! Скажите ему сами, мадам. Объясните сыну, что наглая, высокомерная англичанка не желает иметь с ним ничего общего, – рассердился Кайрен.

– Это правда, Уильям, – подтвердила мать.

– Я немедленно еду к ней! – вскинулся Уильям.

– Ни за что! – резко бросил сэра Шейн. – Только опозоришь семью своими мальчишескими выходками.

– Попробуй шагнуть за порог, и я выбью из тебя дурь, – предупредил старший брат, угрожающе глядя на младшего.

Сердце Уильяма упало. Она отказала ему. Как Фортейн могла? Самая красивая в мире девушка, рассуждавшая о неслыханных прежде вещах... Он обожает ее! Неужели она не понимает, что он болен любовью к ней?

– Ты всегда мечтала иметь невесткой Эмили Энн, – с горечью пробормотал он матери, – но выбрось это из головы, мама. Я не взгляну на эту жеманную, чопорную, приторную сучонку, будь она единственной женщиной на земле!

Леди Деверс, величественно поднявшись, пригвоздила сына к месту негодующим взглядом.

– Не смей говорить со мной в подобном тоне, Уильям! Можешь не жениться на кузине, если не желаешь, но и леди Линдли тебе не получить. Завтра мы отправляемся в Англию навещать твоих сестер. Возможно, через несколько месяцев тебе удастся избавиться от дурного влияния, под которое ты подпал в последние дни. – Она предостерегающе подняла руку. – И не пытайся со мной спорить, Уильям!

С этими словами она, гордо подняв голову, устремилась к порогу. Кайрен обнял брата за плечи, но Уильям рассерженно отстранился.

– Нечего меня утешать, все равно не выйдет! – прохрипел он.

– Предлагаю запереть его в спальне до самого отъезда, – невесело пошутил Кайрен, – иначе этот молодой дурак сбежит в Эрн-Рок, откуда герцог вышибет его пинком под зад.

– Когда-нибудь я убью тебя, Кайрен! – прошипел Уильям.

– К чему трудиться, – уничтожающе бросил тот. – Ты и так уже успел захватить все, что по праву принадлежит старшему сыну. Мне-то все равно, зато твоя мамочка сделала для этого все, что смогла. Возьми себя в руки, парень, и держись, как подобает Деверсу, – посоветовал он брату перед уходом.

– Похоже, Кайрен прав: тебе нельзя доверять, – устало заметил сэра Шейн, уводя Уильяма.

Наутро дормез Деверсов, где под присмотром матери сидел окаменевший от отчаяния Уильям, выкатился из ворот Меллоу-Корта. Сэр Шейн скакал на коне в сопровождении Кайрена, который доехал с ними до дороги на Дандолк и там распрощался.

Фортейн увидела его издали и сразу узнала большого белого жеребца, на котором скакал Кайрен в день своего приезда в Эрн-Рок. Трудно не запомнить красавца с черной гривой и хвостом!

Девушка помахала Кайрену, хотя сознавала всю дерзость своего поступка. Она понимала, что, не питая к Уильяму никаких чувств, интересуется его старшим братом гораздо сильнее, чем позволяют приличия, и намеревалась удостовериться, что первое впечатление ее не обмануло. Пусть она не собирается выходить за Уильяма, это еще не значит, что нельзя поближе познакомиться с его старшим братом. В конце концов, родители считают, что не стоит позорить Деверсов, избегая их как чумы. Конечно, никаких планов в отношении Кайрена Деверса она не строит, но все же...

Кайрен недоуменно тряхнул головой. Что задумала девчонка? При первой встрече она была непростительно груба и притворялась, будто очарована Уильямом. Если кого и винить за разбитое сердце и муки брата, то, несомненно, Фортейн Линдли. Все же Кайрена отчего-то тянет к ней. Подумать только, девушка, которая ездит по-мужски, да еще на исполинском мерине! Он махнул в ответ.

– Добрый день, мастер Деверс, – учтиво приветствовала его Фортейн.

– Добрый день, леди Фортейн.

– Вы возвращаетесь из Дандолка? – осведомилась она.

– Провожал родителей и Уильяма. Они едут в Англию навестить моих сестер.

– Бедный Уилл! Такой милый мальчик, – отозвалась Фортейн. – Надеюсь, ему понравится Лондон, хотя большинство приличных семей покидают столицу летом. Вероятно, у ваших сестер есть загородные дома?

– Да, если подобные вещи сейчас ценятся, – усмехнулся Кайрен. – Мои сестры твердо усвоили от мачехи два главных правила: неуклонно следовать моде и вести себя, как пристало истинным англичанам.

– Вам не нравятся англичане? – спокойно поинтересовалась Фортейн.

– Терпеть не могу тех, кто захватывает чужую страну, отбирает земли у законных владельцев и пытается навязать свой образ жизни и религию людям, уже имеющим и то и другое, – бросил Кайрен.

– Такова жизнь, – вздохнула Фортейн, прищипывая коня. – Наши наставники учили меня и моих братьев и сестер, что на протяжении веков одна культура подчиняет себе другую, чтобы, в свою очередь, быть поглощенной третьей. Когда-то ирландцы пришли сюда и завоевали славный народец, который, по слухам, здесь правил. Говорят, теперь коренные жители поселились под землей, потому что не хотели смешиваться с кельтской расой. Иногда перемены бывают к добру, иногда – нет. Я считаю, что англичане недопустимо обращаются с ирландцами, но если бы они поменялись местами, вряд ли ирландцы оказались бы милосерднее. Дай вам возможность, и вы начнете грабить и убивать, как ваши древние предки, и утопите всех англичан в море. Прикончите без всякой жалости. Почему же ждете милосердия от англичан? Вы ничем их не лучше.

Кайрен рассмеялся, неожиданно поняв, что так восхитило младшего брата в этой девушке.

– Да, – согласился он, – именно так и было бы, леди Фортейн. Но вас мы пощадили бы, ибо в ваших жилах течет ирландская кровь. Это так?

– Да. Моя прабабка – урожденная Скай О’Малли из Иннисфаны, великая женщина! Умерла, когда мне было всего тринадцать лет, но я успела ее узнать и никогда не забуду, – тихо промолвила Фортейн со слезами на глазах. – Она всегда была так добра ко мне.

Пока они ехали, небо затянуло облаками и на землю упали первые тяжелые капли.

– Давайте укроемся в этих развалинах, – предложил Кайрен.

Когда они добрались до полуразрушенного строения из серого камня и спешили, Фортейн с любопытством спросила:

– Что это такое?

Кайрен покачал головой:

– Не могу сказать наверняка, но говорят, здесь несколько столетий назад стоял замок предводителя Магуайров. Видите, какой густой мох на стенах? Но под аркой довольно сухо. Садитесь, Фортейн Линдли, подождем, пока кончится дождь.

Он уселся на каменный карниз, как на скамью, приглашая ее последовать его примеру. Фортейн устроилась рядом.

– Могу я задать вам один вопрос, Кайрен Деверс? – И, дождавшись утвердительного кивка, продолжала: – Почему вы отказались от законного наследства ради простых церковных обрядов? Вы не похожи на религиозного фанатика.

– Справедливое любопытство, – согласился Кайрен. – Попробую объяснить. Вы правы, я не фанатик, и, откровенно говоря, религия весьма мало для меня значит. Я не мученик и не святой, но католическая вера – это все, что осталось у меня от матери. Она умерла, когда я был совсем маленьким. Тогда мы все были ирландцами: отец, Мойра и я. Потом родилась Колин, и мама умерла, дав ей жизнь. Сначала отец был безутешен, но вскоре стал искать новую жену, мать для своих детей и хозяйку дома. Плотские желания скоро удовлетворила одна милая дама по имени Молли, родившая от него двух дочерей. Хорошие девочки, и зовут их Мэв и Эйн.

– Значит, вы их знаете? – удивилась Фортейн.

– Да, хотя мачеха не подозревает, что мне все известно. Мэв родилась, когда мне было одиннадцать, а через три года появилась Эйн. Отец к тому времени уже давно был женат на леди Джейн, хорошенькой дочери богатого торговца, у которой на все было свое мнение.

– Говорят, она не хотела выходить за него, пока он не перейдет в протестантскую веру, – заметила Фортейн. – И даже заставила сэра Шейна креститься.

– Это чистая правда, – подтвердил Кайрен. – Джейн Эллиот с первого взгляда влюбилась в Меллоу-Корт и страстно захотела его заполучить, но она так же тверда в вере, как сильна характером, поэтому и настояла на том, чтобы жених обратился в протестантство. Священник из Лиснаски предупредил, что он будет за это гореть в аду, но отец его не послушал. Он, как и я, не слишком любит, когда ему приказывают. Он окрестился снова, вместе с Мойрой и Колин, а святого отца выгнал из поместья.

– А вы? Отказались креститься?

– Меня не смогли поймать, – лукаво улыбнулся Кайрен. – Со времени прихода леди Джейн все изменилось. Вещи матери мало-помалу исчезли, а веру стерли из памяти детей и мужа, словно Джейн старалась вытравить все следы ее пребывания в Меллоу-Корте. Так по крайней мере я считал тогда, но, став взрослым, понял, что мачеха – женщина порядочная, но живет согласно собственным представлениям о морали и требует, чтобы остальные члены семьи исповедали ее принципы. И хотя я так и не крестился, она решила быть со мной терпеливой. Правда, меня заставляли каждое воскресенье посещать церковь, и мачеха уже посчитала, что я обращен в ее веру. Только много лет спустя они обнаружили, что после службы я убегал на мессу. В тот день, когда мне исполнился двадцать один год, отец предупредил, что либо я должен креститься, либо он лишит меня наследства в пользу Уилли, а я получу лишь долю младшего сына, хотя могу по-прежнему жить в Меллоу-Корте. Я пытался объяснить ему, что испытываю и почему держусь за католическую веру. И знаете, что он ответил? Что уже не помнит лица матери. Что теперь его жена – леди Джейн и он сделает все, лишь бы ей угодить. И тогда я отказался от Меллоу-Корта, посоветовав отдать его Уилли. Мне он не нужен.

– Значит, ваша гордость перевесила здравый смысл, – размышляла вслух Фортейн. – Вряд ли ваш отец был жесток и бесчеловечен, когда признался, будто образ вашей матушки с годами поблек. Так всегда бывает. Трудно припомнить лица тех, кто умер несколько лет назад. Тут нет ничего зазорного.

– Дело в том, – заметил Кайрен, – что я не горю любовью к Меллоу-Корту, хотя это и противоестественно. Но я никогда не считал его своим, да и на родине не слишком уютно себя чувствую. Не могу объяснить, но, кажется, мое место совсем не здесь.

Фортейн уставилась на него с раскрытым ртом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.